

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Из всех подарков Петра I Анна Монс особо выделяла музыкальную шкатулку. Именно в ней Анне виделось истинное проявление чувств человека, понять которого ей так и не удалось... В наши дни цена на шкатулку великого царя возросла в тысячи раз, но всех ее владельцев ожидают огромные жизненные потрясения...

Екатерина ЛЕСИНА

Музыкальная шкатулка Анны Монс

Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина

**Музыкальная
шкатулка Анны Монс**

«автор»

2013

Лесина Е.

Музыкальная шкатулка Анны Монс / Е. Лесина — «автор»,
2013 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-67729-0

Старинная музыкальная шкатулка, сделанная, по преданию, царем Петром I для Анны Монс, послужила залогом любви и подарком к несостоявшейся свадьбе. Простая безделушка на долгие годы связала двух людей, разительно непохожих друг на друга... Спустя несколько веков стоимость шкатулки значительно увеличилась. С появлением нового начальника в жизни секретарши Ксюши многое переменилось. Ее уволили, ей угрожали, требуя вернуть украденное, хотя она ничего не брала, в ее квартире устроили погром. А коллегу, красавчика Стаса, и вовсе убили. Тот, кто это сделал, не собирается упускать Ксюшу из виду. Если девушка хочет выжить, ей придется найти старинную музыкальную шкатулку, которую требуют недоброжелатели, а заодно и распутать клубок чужих тайн. Благо начальник снова принял ее на работу и даже вызвался помочь...

ISBN 978-5-699-67729-0

© Лесина Е., 2013

© автор, 2013

Екатерина Лесина

Музыкальная шкатулка Анны Монс

«Анна Монс – иноземка, дочь винооторговца – девушка, из любви к которой Пётр особенно усердно поворачивал старую Русь лицом к Западу, и поворачивал так круто, что Россия доселе остаётся немножко кривошейкою».

(Д.Л.Мордовцев. Идеалисты и реалисты, 1878)

Нового шефа первой увидела Эллочка. Она выбегала курить и еще – общаться, причем Ксюша предполагала, что скорее общаться, нежели курить, поскольку так не накуришься. К этому Эллочкиному недостатку все относились со снисхождением.

Но, как бы там ни было, очередной ее перекур был прерван самым неприятным образом. Эллочка как раз позвонила Наташеньке, которой она обещала рассказать про Мариночкино свидание, устроенное с легкой Наташенькиной руки, потому что у самой Мариночки что-то устроить с ее личной жизнью... как-то ничего не получалось. И только-только она в разговоре дошла до самого свидания, как увидела шефа... в тот момент она еще не знала, что вот этот мрачный тип в дешевом костюме, который еще и сидел на фигуре преотвратно, – ее будущий начальник, но лишь восхитилась цветом галстука – он был ярко-малиновый, разукрашенный коронами, и с крупной булавкой под золото.

– Вам чего? – спросила Эллочка, замороженная насыщенным цветом камня в булавке. Стекляшка, имитировавшая рубин, отливала грозной краснотой.

Эллочка еще подумала, что клиент нынче совсем уж безумный пошел. Куда только его жена смотрит? Потом она привычно мазнула взглядом по его рукам и убедилась, что обручальное кольцо отсутствует. Успела прикинуть: насколько отсутствие этого кольца является реальным свидетельством отсутствия в паспорте штампа, а сам клиент – насколько перспективным является объектом?..

– Мне бы в «Сафину плюс» попасть, – миролюбиво произнес клиент густым басом, от которого у Элочки в груди прямо все оборвалось.

Вот странно на нее действовали мужские голоса!

Она подняла взгляд, удивляясь тому, что рубашка, в отличие от костюмчика, была явно неплохого качества, и уперлась глазами в квадратный подбородок. Без щетины. Жаль, щетина – это сексуально, так считали все Элочкины подружки, и она тоже придерживалась этой точки зрения, единственно, уточняя, что сексуальность эта – сугубо зрительная. Трогать колючие щеки – фи...

Губы были некрасивые, узкие.

И шрам на щеке.

А нос – сломанный и налево повернут, приплюснут как-то, будто его по лицу размазали.

– Хотите, я вас провожу? – предложила Эллочка, раздумывая, насколько сильно этот нос уродует незнакомого ей типа. – Тут коридоры очень странные.

– Хочу.

Глаза у него были цвета жареного миндаля. Только вот невыразительные совсем. Маленькие и близко к переносице посаженные.

Все-таки не ее типаж. А жаль, голос-то Эллочке понравился.

Она быстро распрощалась с Наташкой, решив, что клиент в любом случае пользу принесет, не на личном фронте, так хоть на служебном, и, улыбнувшись самой очаровательной из своего профессионального набора улыбок, сказала:

– Тогда прошу вас следовать за мной.

Ходила Эллочка красиво. Она вообще собиралась стать моделью, но выяснилось, что выдающиеся формы – это вовсе не то, что нужно для штурма подиума. А в конторе вовсе не так и плохо работать. Скука, конечно, смертная, но зато и деньги платят, и люди интересные, и Стасик под боком...

– Девушка...

– Элла, – Эллочка предпочитала, чтобы к ней обращались по имени, это помогало ей устанавливать «доверительные связи», о которых им рассказывали на тренинге.

– Элла... а я – Игнат Алексеевич.

Старомодный, значит. Давно уже никто не именуется друг друга по имени и отчеству. В моде теперь западная манера обращения; ну, если клиенту так хочется, то ей все равно.

– Так вот, Элла, я хотел спросить: вы кем работаете?

– Консультантом.

Игнат Алексеевич хмыкнул. Как-то нехорошо хмыкнул. Презрительно, что ли? Ну да, Эллочке случалось сталкиваться с мужским пренебрежением. Конечно: ну что блондинка – натуральная, кстати! – может понимать в сложном мире юридических услуг?

А у Элочки образование высшее!

И вообще: почему, если ты блондинка, то сразу – дура?

– И много у вас там... таких консультантов? – поинтересовался Игнат Алексеевич прерванным тоном.

– Трое.

– Кроме вас?

– Да.

Вообще-то Эллочка была помощником консультанта, и работа ее заключалась скорее в том, чтобы клиента встретить, предложить ему чай или кофе, занять беседой и вообще настроить его на благодушный лад. И опыт подсказывал ей, что мужчина, идущий рядом с ней, – обычно они предпочитали немного отстать, чтобы полюбоваться Эллочкиной походкой, – как раз из тех, трудных клиентов.

Ничего. Управятся!

Эллочка уже решила, что упрямого Игната Алексеевича, столь равнодушного к женской красоте, ей следует перепоручить Димочке. Тот тоже зануда, так что язык общий они найдут...

Но вот их путешествие закончилось.

– И что, все клиенты вот так у вас ходят? – очередной странный вопрос заставил Эллочку вздрогнуть. Ну откуда такое любопытство?

– Нет, – она повернулась. – Что вы! Обычно к нам попадают через холл. Там имеется лифт, надо лишь подняться... А вы, наверное, с черного хода вошли...

Здание было новым и, по Эллочкиному мнению, построенным специально для того, чтобы над людьми поиздеваться. Лабиринт на четыре этажа, в котором без привычки заплутать легче легкого. И хорошо еще, что «Сафина плюс» на четвертом этаже располагается, под самой крышей, потому что, попав однажды на третий, Эллочка полчаса блуждала по пустым коридорам, которые ветвились бесконечно и ровно через одно ответвление заканчивались тупиками.

– Прошу вас... – она открыла дверь, пропуская Игната Алексеевича.

Обычно мужчины торопились Эллочке услужить, а этот – ничего, принял как должное. Слон равнодушный! Нет, определенно, не ее типаж. И стрижка ужасная. Сбривает волосы почти под ноль, не учитывая, что форма черепа у него отнюдь не идеальна. Уши опять же торчат...

Правда, Маринка утверждала, что лопухие мужчины... гм... особой страстностью отличаются, но проверять это утверждение Эллочке совершенно не хотелось.

А Игнат Алексеевич вошел, остановился посреди комнаты, которую сотрудники между собой именовали «залой», – комната была большой, нелепой, с диваном, – и сказал:

– Здравствуйте.

Ксюша как раз сражалась с кулером. С техникой она ладила, более того, техника Ксюшу любила и сбоила редко, а вот с кулером у нее шла давняя война. Не работал он – и все тут.

Краем глаза она уловила движение.

Стасик поднялся с дивана, на котором он возлежал, устроив себе законный пятнадцатиминутный перерыв. Все знали, что в это время Стасика лучше не трогать – голова у него золотая, а характер – сволочной. Кричать, конечно, он не станет, но долго будет вспоминать о том трагическом дне, когда...

Димочка, занятый очередным отчетом, вдруг бумагу отложил – диво дивное, его с бумагами разлучить просто нереально! А Виктория Павловна, главный бухгалтер, прервала чаепитие и беседу с дочкой, которой как раз рассказывала, как правильно выбирать ананас...

В общем, странно все это выглядело.

И эта странность придала Ксюше сил. Тугой насос вдруг поддался. Из крана брызнула вода, и, естественно, мимо стакана.

Прямо на новые Ксюшины туфельки. Замшевые...

От огорчения и неожиданности, от коварства такого Ксюша выругалась. Громко. Душевно. И потом только обернулась... ну вот, вечно с ней что-то не то приключается!

Посреди залы стоял незнакомый тип в коричневом пиджаке скверного пошива и разглядывал Ксюшу с таким брезгливо-презрительным видом, что ей тотчас захотелось швырнуть в него стаканчиком. Но Ксюша умела бороться с собственными желаниями и, глубоко вдохнув, велела себе успокоиться.

– Соберите всех, – приказал тип.

Был он среднего роста, но в плечах – широк. Про таких Ксюшин папа говорил, что они и небосвод удержат. Возможно, типу и приходилось его удерживать, иначе откуда такая мрачность во взгляде?

Прямо-таки Ксюшу прощупал насквозь!

И туфельки ее светло-салатовые, водяными пятнами украшенные. И платице – весеннего ярко-зеленого цвета, с кокетливыми рукавами-буф и завышенной талией. И волосы рыжие, в два хвостика собранные. И ожерелье из крупных камней, и браслетики, и фенечки, и даже чехол для мобильного, сделанный в виде мягкой черепашки.

И чем дольше тип смотрел, тем неудобнее становилось Ксюше.

Ужас, что за люди нынче пошли!

– Простите, – подала голос Эллочка, но ее медовым тоном не следовало бы обманываться: Эллочка умела ставить на место всяких неприятных клиентов. – Но зачем?

Тип вздохнул, поставил на стол, прямо на Димочкины драгоценные бумаги, замызганный портфель и объявил:

– Затем, что здесь давно пора порядок навести.

Порядок в конторе был, только... слегка беспорядочный.

– Звать меня Игнат Алексеевич. И я – ваш новый начальник...

Нет, слухи, конечно, ходили, что Алексей Петрович собирается оставить контору, он ведь уже немолод. И вообще, болеет часто, и снова вот заболел, но чтобы резко так... и без предупреждения...

Обидно!

Его ведь любили... и в больнице навещали, не потому, что выслужиться хотели, – в конторе все давным-давно были на своих местах, – а просто чтобы приятное ему сделать. И Ксюша заказывала цветы, а Эллочка журналы для него подбирала. И строгая Виктория Павловна готовила паровые куриные котлетки... а он взял и нового начальника прислал!

Нет, отчитываться перед сотрудниками Алексей Петрович не обязан, но все равно обидно.

Мог хотя бы позвонить... намекнуть.

Собрать всех было несложно. Селектор. Для Вареньки из бухгалтерии – сообщение в чатике. Для Акулины из логистов – SMS. Лешенька, курьер, в отъезде... и еще, Олега надо поймать, он вечно на черной лестнице прячется, когда думает и не желает, чтобы ему мешали.

Семь минут – и все в сборе.

За эти семь минут Игнат Алексеевич избежал пиджака, ослабил узел своего ужасного галстука и осмотрелся. Увиденное ему определенно не понравилось.

– Еще раз добрый день, – голос у него был громкий, выразительный. – К сожалению, здоровье моего отца ухудшилось...

...То есть Алексей Петрович ему отцом приходится? И совсем они не похожи. Алексей Петрович – высокий, худой, изящный, а главное, что есть в нем нечто аристократичное. Этот же похож на борца. Или грузчика.

– ...и он вынужден был передать управление конторой мне.

Интересно, надолго ли?

Игнат Алексеевич, словно услышав этот невысказанный вопрос, приподнял бровь и смерил Ксюшу презрительным взглядом:

– Боюсь, что навсегда.

Ужас. Совсем-совсем ужас! Не тот, который кошмар или катастрофа, но все равно ничего хорошего.

– В связи с этим я проведу ряд... изменений. Начнем с неприятного. Как вас зовут? – и он уставился на Ксюшу.

– Ксюша.

– Оксана, значит.

Вот не любила Ксюша, когда ее Оксаной называли. И когда смотрели на нее так, с прищуром! Еще и брови насупил, наверное, для пущей грозности.

– Вы кем здесь трудитесь?

– Секретарем...

– Оксана, вы уволены.

Охнула, схватившись за сердце, Виктория Павловна. Эллочка смерила нового шефа оценивающим взглядом, и Ксюше даже жаль его стало... а Стас, машинально потиравший виски, потрянул головой и пробормотал:

– Это ни в какие ворота...

– Вы свободны, – с нажимом повторил Игнат Алексеевич.

– Прямо сейчас?

– Да.

– А дела передать...

– Без вас разберутся. Расчет получите в бухгалтерии.

– А вещи мои?

– Забирайте и... – не договорил, махнул на дверь и спиной к ней повернулся. Вот хам...

Вещи Ксюша сложила в плетеную корзинку для пикника. Корзинка эта – мамин подарок – оказалась в Ксюшиной приемной еще в прошлом году, уж больно была удобной, а вот теперь, выходит... Ксюша часто заморгала, отгоняя обиду прочь.

Ну, уволили, что теперь, вешаться с тоски?

Да ей самой не больно-то хотелось оставаться... Алексей Петрович – дело другое, с ним работать приятно, он всегда вежливый, внимательный, сдержанный... а этот – жуть жуткая.

В корзинку отправились подставка для ручек и любимая кружка, которую сестрица расписывала, и блюдце, тоже с росписью, но из другого набора. Степлер с кроликами. Запасные колготки, балетки, блокнотик...

Фикус уносить нельзя, все-таки формально он – имущество фирмы.

Компьютер Ксюша оставила включенным и, накинув на плечи ярко-желтый плащик, выскользнула из приемной через черный ход. Ну вот, она еще не ушла, а уже беспорядок – дверь в подсобку, где, помимо швабр с тряпками, хранились канцелярские товары, архивы и прочая ценная дребедень, оказалась открыта.

Заглянув в комнатушку, Ксюша убедилась, что там пусто. Пришлось возвращаться – за ключом, и еще раз, чтобы ключ вернуть на место... и, как назло, она столкнулась с этим, с начальничком...

– Еще возитесь? – мрачно поинтересовался он.

– Уже закончила, – ответила Ксюша и быстренько выскочила на лестницу, пока не развелась у него на глазах. Ну вот глупость же... работу она без труда найдет. Ее сколько раз в другие места приглашали, а Алексей Петрович смеялся, что никому не позволит особо ценного сотрудника украсть.

А теперь вот – уволили.

За что?!

Звонок застал ее, когда Ксюша собиралась уже выехать со стоянки.

– Ксюшенька, – голос она узнала сразу и поспешно подавила обиду: Алексей Петрович не виноват, что у него такой ужасный сын.

– Добрый день, – она постарается говорить с ним вежливо и мягко, чтобы не расстроить больного человека.

– Добрый. Скажи, мой охламон уже появился?

Точно. Охламон!

– Появился.

– И как он?

Ужасно. Отвратительно. Несправедливо!

– Не знаю, – Ксюша поскребла ноготком оплетку. – Сказал, что будут изменения...

– Какие?

– Он меня уволил...

Вот сейчас из-за Ксюши хороший человек расстроится. Надо было промолчать. Или соврать что-нибудь, но, наверное, глупо врать, если все равно Алексей Петрович с сыном поговорит и все сам узнает.

– Идиот, – совершенно спокойно ответил Алексей Петрович. – Ксюшенька, ты на него не обижайся, пожалуйста. Он хороший мальчик...

– ...только вести себя не умеет.

– ...только неуклюжий. Вечно впереди поезда бежать норовит! Скажи, милая, ты уже куда-нибудь звонила?

– Нет.

– Пожалуйста, солнышко мое, не спеши... – Алексей Петрович закашлялся. – Давай будем считать, что ты в отпуске? Конечно, оплачиваемом... до конца месяца. И премию я тебе перечислю. Просто дай этому охламону время. Сам прибежит!

То есть новую работу не искать? Нет, с кем бы другим Ксюша и разговаривать не стала бы, но Алексею Петровичу отказывать неудобно. Тем более что в отпуске Ксюша давно не была... Конечно, из города уезжать не стоит, но хотя бы квартирой надо заняться. А то весна пришла, а у нее окна не вымыты, ковры не выбиты, и вообще, все в шерсти.

Ну не любит Ксюша уборки всякие, что уж тут поделаешь.

– До конца месяца? – еще раз уточнила Ксюша.

Три недели.

– Думаю, он и недели не выдержит, – ей показалось, что Алексей Петрович засмеялся. – Ничего. Ему это полезно. А ты сразу возвращаться не соглашайся... поторгуйся. И вообще, присмотрите там за ним, а то он совсем одичал.

За таким, пожалуй, присмотришь!

Когда Ксюша выезжала со стоянки, ей показалось вдруг, что за нею следят.

Глупость какая... кому это надо – за Ксюшей следить?

Приближение зимы Анна чувствовала задолго до первого снега. Пожалуй, еще с ранней осени, которая порою случалась в достаточной мере теплой, чтобы матушке не приходилось тратиться на дрова, она начинала зябнуть. И жаловалась на холод, преследовавший ее даже под пуховым одеялом.

Почему-то никто, ни отец, вечно занятый делами, озабоченный и хмурый, когда дела эти шли неважно, либо же веселый, если вдруг они ладились, ни матушка, ни брат с сестрой не верили, что Анна и вправду мерзнет.

– Неженка, – говорили ей, и матушка спешила найти работу, потому что благовоспитанной девице не пристало сидеть без дела. Эдак соседи подумают, будто Анна с рождения ленива, вон, и без того они шепчутся, будто встает она поздно, позволяя себе нежиться на перине, ходит медленно, и руки у нее белые, чистые.

В том была своя правда: Господь – милостью особой – наградил Анну кожей нежной, тонкой, будто лепестки нимфеи, что росла в пруду за трактиром. И порою Анна в порыве мечтательности сама себе представлялась цветком, этаким хрупким творением Его, призванным единственно услаждать людские взоры.

Зимой нимфеи прятались, и каждый год Анна волновалась, переживут ли они морозы.

Эта страна была чуждой, неудобной, недружелюбной, что для цветов, что для иноземцев. И даже в поселении, именовавшемся Немецкой слободой – хотя жили здесь не только немцы, – Анна остро ощущала собственную чуждость. Замкнутый мирок не ограждал их от слухов, от дымов, что тянулись от самой Москвы, от гула церковных колоколов и воронья. Последнего было особенно много, словно птицы со всей России тянулись к городу.

Вероятно, рожденная уже на земле российской, Анна могла бы считать себя русской, однако память крови, на которую так уповала ее матушка, не желая иметь ничего общего с местным бытом, диктовала Анне иное. Для нее местные девки, нанимавшиеся в услужение неохотно, из нужды, были странны. Они дичились всего и вся, брезговали этаким близостью к чужакам и в то же время сами являли собою наилучший пример беспрецедентной дикости. Безграмотные, забитые, грязные, но меж тем охочие до всего нового, однако стыдящиеся этого интереса... Их ругали за леность, нерадивость, нерасторопность – и хвалили за тихий норов, бывший, пожалуй, единственным их достоинством. Анна же, глядя на этих женщин, приносивших в слободу часть инаковой местной жизни, думала о том, что отец зря сменил место жительства.

Иоганн-Георг Монс, сын достопочтеннейшего обер-вахмистра кавалерии Тиллемана Монса и Маргариты, урожденной Роббен, родился в Вестфалии. Там же рос, обучаясь бочарному делу, в коем благодаря упорному труду и природной сметливости достиг немалых высот, чему немало поспособствовала своевременная женитьба на Матильде Могерфляйш. Ее немалое приданое стало основой его собственного торгового предприятия. Отец, выпив дозволенную рюмку настойки – все же местные привычки он принимал куда охотнее Анны, – любил рассказывать о том, сколь выгодным была его торговля. Правда, вскоре он вспоминал о происках конкурентов, из-за которых он и вынужден был покинуть родные края. Увлеченный рассказами вестфальского купца – тому единожды довелось побывать в России, и с тех пор он полюбил описывать богатства сего дикого края, – отец решил на переезд.

Как ни странно, но авантюра его – чем дольше Анна думала, тем более безумным в ее глазах представлялось сие мероприятие, – возымела успех. Отец, продавший собственное дело в Вормсе, с немалой выгодой обустроился в Москве. И торговые дела вел хватко, так что вскорости сумел приобрести дом для семейства, которое все прибывало.

Матильда, как и положено хорошей супруге, вела домашнее хозяйство, приучая детей к тому порядку, к которому сама была привычна. И если старшие не спешили прикладывать усилия, постигая сложную сию науку, то Анна старалась. Она бы и сама не могла сказать, что именно двигало ею – нет, не расчет, но скорее уж некая внутренняя потребность. Впрочем, хватало ее лишь до наступления зимы... а там Анна становилась сонливой, медлительной и, по словам Вильгельма, который не упускал случая поддеть сестру, весьма похожей на русского медведя.

Анну подобные сравнения злили невероятно.

Однако – юная, несмышленная – не понимала она, что следует опасаться не местных стуж и холодов, пусть и неприятственных, но являвшихся естественными для дикой русской природы. Нет, беда пришла не с зимним ветром, но с батюшкиной привычкой, усугублявшейся год от года. Собственный успех вскружил почтенному Иоганну голову. Конечно, усилия он к обустройству дел прикладывал немалые, пробиваясь не только торговлей, но и иными мероприятиями, приобретя некогда и мельницу, и долю в местном трактире, и даже аустерию, весьма выгодно расположенную и отличающуюся от московских гостиных домов порядком и чистотой. Но чем больше имел Иоганн, тем более значительным он сам себе казался. И тем меньше прислушивался к спокойному голосу супруги.

– Я – хозяин! – так он ответил Матильде, когда та посмела сказать, что муж ее разлюбезнейший тратит чересчур уж много денег на выпивку и пустое веселье, тогда как следует подумать о том, чтобы использовать деньги на развитие дела, либо же дать в рост, либо просто отложить. У него ведь две дочери имеются, которые весьма скоро войдут в возраст, приличный для заключения брака!

Да и вовсе не мешало бы Иоганну отвлекаться от друзей, несомненно, людей весьма важных и достойных, дабы уделить внимание нуждам собственного семейства.

– Не лезь, куда не просят, женщина! И не указывай мне, что я должен делать, а чего не должен!

Ссоры в доме, прежде редкие, случались теперь ежедневно. Иоганн требовал от жены почтения, смирения и признания немалых его заслуг, попрекая ее тем, что он вынужден содержать ее и детей, тратиться на их прихоти, тогда как сам не имеет ни минуточки для отдыха. И тут же, противореча сам себе, он уходил в трактир, где пил, уже не испытывая стыда за эту привычку, гулял и время от времени брался за карты.

– Он нас разорит, – причитала Матильда и шла за супругом, уговаривая его образумиться...

Вероятно, рано или поздно, но опасениям ее суждено было бы сбыться, но Иоганн умер раньше, нежели успел проиграть все, что имел. Он умер от удара, как заявил приглашенный Матильдой лекарь.

Похороны были скромными. Вдове, оставшейся в чужой земле с тремя детьми – малыши они уже не были, однако и самостоятельными, способными оказать матери вспомоществование, тоже, – все спешили выразить сочувствие. Вот только вскоре появились люди с расписками, свидетельствовавшими, что Иоганн, не имея возможности брать деньги из семейного дела, – тут Матильде удавалось чинить ему препятствия, – не гнушался делать долги. Долгов насчиталось столько, что матушка впала в отчаяние.

И Анна, утешая ее, сама подсчитывала убытки, сетуя на этукую отцовскую бесхозяйственность.

Пришлось продать мельницу, но и вырученных за нее денег, – а сумма вышла немалая, – не хватило, чтобы рассчитаться. Следом матушке было предложено отдать и трактир. Цену за него, конечно, давали не ту, на которую Матильда рассчитывала, однако, поторговавшись без малейшего успеха какое-то время, она вынуждена была согласиться. Кредиторы ее поторапливали, грозили судом и долговой ямой.

Анна видела, что сделки сии совершены несправедливо, что матушку просто заставляют избавляться от более или менее ценного имущества и, того гляди, вовсе оставят без крыши над головой, но ничего не могла поделать. Да и то сказать, кто она такова, Анна Монс, дочь винооторговца с весьма сомнительной репутацией? И, глядя в потемневшее, исхудавшее матушкино лицо, Анна кляла злодеев последними словами. Разве ж возможно людям, некогда называвшим себя друзьями семьи, поступать подобным образом?

– Ах, если бы мы были дома, – не раз и не два повторяла Матильда, заламывая белые руки. – Все бы решилось иначе! Местные же судьи судят так, что не след от них ждать ни сочувствия, ни справедливости.

И, слушая матушку, Анна преисполнялась гневом.

Вот она, еще недавно – завидная невеста, дочь уважаемого человека, который не до всякого снизойдет, – теперь стала просто девкой, не безродной, но безденежной, а оттого не имеющей хороших перспектив на замужество. И лилейной ее красоты, раскрывшейся к четырнадцатому году жизни, недостаточно, чтобы найти достойного мужа.

Но, как выяснилось, ее хватит, дабы раз и навсегда разрешить семейные проблемы.

Естественно, подобный шаг дался Матильде нелегко, во всяком случае, Анне хотелось бы так думать, и она так и думала, позволяя себе тешиться осознанием собственной исключительности.

– Ты одна – наше спасение, – так заявила Матильда дочери, которую любила вполне искренне, хотя чувство это и не мешало ей здраво оценить возможности, раскрывавшиеся перед Анной благодаря одному предложению. Не то чтобы оно было неожиданным – Матильда, признаться, желала получить нечто подобное, – скорее уж исходило оно от человека, способного дать больше, нежели прочие. – Помни, чему я тебя учила! Будь послушна. Будь любезна. Будь сдержанна.

Она не боялась, что Анна станет капризничать, поскольку долго и старательно расписывала ей все беды, которые поджидают несчастную вдову Иоганна Монса и детей его. Ницета. Горечь. И смерть в чужой стране, где не найдется никого, кто проникся бы тяготами судьбы бедной Матильды.

На самом же деле после продажи трактира у Матильды оставалась изрядная сумма, которую она припрятала, здраво рассудив, что деньги никогда не будут лишними. Нынешнее ее положение можно было бы назвать стабильным, но Матильду оно никоим образом не удовлетворяло. И грешно было бы отвергнуть столь редкостную возможность. Тем более что Анна не только для себя откроет новые высоты, о которых, глупое дитя, она и не подозревает, но и позволит сестре своей выйти в свет. Модеста же не упустит своего шанса. В отличие от красивой, но несколько глуповатой сонной Анны, Модеста к своим годам уже неплохо разбиралась в реалиях жизни, прекрасно понимая, что женщине в этом сложном мире поможет устроиться «правильный» мужчина.

Вот только в Немецкой слободе такого найти непросто.

Признаться, Анна испытывала некие опасения, что тот господин, о котором так радостно говорила матушка, не забывая ей напоминать, что отныне семейное благополучие зависит всецело от Анны, будет нехорош собою. Конечно, данное обстоятельство равным счетом ничего бы не изменило, Анна все равно бы согласилась на его условия – да и подозревала

она, что согласия ее вовсе не требуется, – но ей было легче, если бы будущий любовник не вызывал у нее отвращения.

Она вспоминала все виденные ею когда-либо лица, пытаясь найти то, которое показалось бы милым, но, как назло, видела лишь уродство. И воображение, истомившись, рисовало ей образ человека старого, подточенного многими болезнями и скверными привычками, которые всенепременно сказывались на его обличье самым печальным образом: лысого, толстого, кривоногого и беззубого. Лицо его покрывали глубокие оспины, дыхание было тяжелым и смрадным, а глаза слезились, как у того нищего на площади.

И когда Анна, доведя себя до предобморочного состояния, уже готова была пасть на колени перед матушкой, умоляя не отдавать ее этакому чудовищу, служанка, единственная, оставшаяся у них, возвестила о появлении гостя. По тому, с каким подобострастием держалась эта, нагловатая прежде девица, Анна заключила, что гость – именно тот человек, которым заняты были все ее мысли.

Сердце вдруг на миг остановилось, и Анна, бросив взгляд в зеркальце, подумала, что вот бы ей умереть! Прямо сей же час, в ее такой маленькой, такой уютной комнатке, где прошло ее детство и девичество, которому выпала злая судьба закончиться так скоро и печально.

Однако она одернула себя, сказав мысленно, что покорность родительской воле есть величайшая добродетель. И своим поступком она, Аннушка, губит свою честь, но спасает семью. Разве может она допустить, чтобы любимая матушка жила в нищете? Чтобы сестрица голодала, а брат замерзал холодными здешними зимами?! Чтобы все ее близкие, родные люди страдали сугубо из-за Аннушкиного глупого упрямства и себялюбия?

Нет, конечно!

И Анна, сказав служанке, что она немедленно спустится, присела перед зеркалом.

Она знала, что хороша – об этом ей говорили не единожды, и порою эта урожденная, свыше дарованная ей красота пробуждала в душе Аннушки тщеславие и гордыню. Она садилась перед зеркалом, подаренным еще ее отцом, в те времена, когда любезный Иоганн имел настроение и деньги на подарки семье, и, разглядывая себя, приговаривала:

– Ах, если бы мне уродиться принцессой...

Конечно, Аннушка и прежде понимала прекрасно, что человеку не дано выбирать, где и кем он появится на свет, что в этом есть высшая воля и желать иного – грешно. Однако детское воображение, распаленное похвалами – а Иоганну нравилось думать, будто обличье дочь взяла от его покойной матушки, известной красавицы, – рисовало Аннушке чудесные картины. В них она была не дочерью винооторговца, но знатной дамой, чье место – во дворце. Аннушка видела балы и приемы, куда как роскошные, не те вечера, что время от времени устраивались матушкой. И себя видела – прекрасную, блистательную и недоступную. Она была милосердной и щедрой, поскольку именно сии добродетели важны не менее, нежели внешняя привлекательность...

Но жизнь все переменяла.

И Аннушка, глядя на себя наново, как-то равнодушно подмечала, что лицо ее и вправду миловидно, черты его мягки и приятны взгляду, нос в меру велик, губы пухлые, глаза и вовсе чудесно огромны, ясны и блестят, говоря об Аннушкином отменном здоровье.

Она подмечала фарфоровую белизну кожи, которую вовсе не портил легкий румянец, и пышность волос, мягких, пуховых. И в кои-то веки собственная привлекательность виделась Аннушке не наградой, но наказанием. Но гостя не следовало заставлять ждать. Убедившись, что наряд ее пребывает в порядке и выглядит она именно так, как полагается пристойной девушке из хорошей семьи, Анна спустилась.

Она уже слышала матушкин голос и смех и голос человека, показавшийся ей смутно знакомым и звучащий вовсе не неприятно.

Он не был уродлив.

Не молод – да, но и не стар, скорее уж пребывал он в том возрасте, который принято именовать расцветом сил. Высокий и статный, он впечатлял своею силой и красотой. Аннушка, позабыв о страхе, разглядывала гостя. Он же смотрел на Аннушку.

– Красавица, – сказал он, обращаясь к матушке. – И станет еще краше.

Он поднялся и подошел легкой пружинящей походкой, и Аннушка поняла, что сердечко ее, до того замиравшее от ужаса, колотится безумно.

Франц Лефорт – а кто не слышал об этом человеке, чей ум мог сравниться единственно с его везением? – обошел вокруг девушки. Она заставила себя сохранять неподвижность и смотреть на собственные руки.

– И скромна... скромность украшает... но излишняя скромность порою идет во вред.

Матушка поспешила согласиться, Анна же поняла, что, если обратятся к ней, она не сумеет произнести ни словечка и, верно, покажется им обоим на редкость глупой, никчемной.

Сухие пальцы приподняли ее подбородок, повернули голову Анны влево, затем вправо... ее разглядывали, не скрывая интереса, и это обстоятельство вызывало у Анны страх. Вдруг окажется, что она вовсе не столь уж хороша, как говорит маменька?

– Пожалуй, мы прогуляемся, – произнес Лефорт, предлагая Анне руку. Отказать такому человеку было бы немислимо. Матушка тотчас захлопотала, что, дескать, Анна вовсе не готова выйти в люди, что одета она не так уж хорошо, и не причесана должным образом... и бедной сироте неоткуда взять денег на наряды, достойные девицы столь прекрасной...

Матушкины намеки были настолько прозрачны и ясны, что Анна лишь розовела все сильнее.

Вот сейчас гость разозлится и ответит что-нибудь резкое, раз и навсегда перечеркивая и матушкины надежды, и страхи Анны. Однако он лишь отмахнулся, сказав:

– Позже!

Естественно, Анне и прежде доводилось выходить за пределы аустерши, однако никогда еще она, покидая дом, не испытывала такого всепоглощающего страха.

Теперь все соседи, знавшие Анну с младенчества, увидят ее рядом с Лефортом и...

– Я знал вашего отца, – произнес Лефорт, и Анна осмелилась поднять взгляд. – Хороший был человек, однако слабый. Он легко поддавался порокам, что его и сгубило. Надеюсь, вы не склонны к пьянству и мотовству?

– Ничуть, – Анна ответила, и это, первое слово далось ей с трудом. – Боюсь, мой батюшка, при всех многочисленных его достоинствах, не сумел устоять перед искушением. Эта страна...

– Она чужая для вас, верно?

– Да, – с облегчением призналась Анна. – Я здесь родилась, но я не чувствую той любви, которую должна бы испытывать к родине.

– Она вас пугает?

– Порою – безумно. Здесь всего... слишком!

Он слушал ее внимательно и не спешил высмеивать, как это обычно делал брат, и не морицился, как сестрица, которая всем своим видом выказывала, что подобные мысли вовсе не годны для взрослой и разумной девицы.

– Зима тут чересчур холодная. А лето приносит изнуряющую жару. Люди то веселятся до безумия, то столь же глубоко горюют. Они готовы растратить все, до последней монеты, на пир, но тут же вспоминают о цене денег, стоит зайти разговору о вещах действительно важных.

Анна замолчала, осознавая, сколь неосторожна она была в речах. Неужели ей, женищине, ведомо, что из вещей действительно является важным? А осуждение родителя, хоть и беспутного, и вовсе недостойно хорошей дочери.

– Что ж, я вижу, что ты и неглупа ко всему прочему, – сказал Лефорт. – Оглянись и скажи: что ты видишь?

Мирок, знакомый ей с детства, крохотный, уютный, примиряющий ее с необъятностью и дикостью Московии. Здесь, в Немецкой слободе, если и не дышалось привольно, то было всяко легче, нежели за ее пределами, в огромном и бестолковом городе, где было много грязи, воронья и нищих.

Там по узким кривым улочкам слонялись калечные, выпрашивая монетку, толклись купцы, то важные, из богатых, то вовсе нищие, но и те, и другие с одинаковой готовностью ломали шапки перед боярами. И боярские возки неторопливо плыли сквозь толпу, окруженные свитой – лютой, готовой рвать кого угодно по малейшему приказу. Только на порогах многочисленных церквей, прибежищ чернорясных монахов, снисходило на бояр смирение, большей частью показное. И выходили они к люду, кланялись, крестились размашисто.

Здесь же женищине белили лица так густо, что те утрачивали всякое с лицами сходство, и рисовали на этом набеленном полотне сурьмяные брови, алые щеки да губы. Они надевали одно платье поверх и еще сверху третье, словно дикие цыганки. А потом млели под тяжестью собственных тяжелых нарядов, но не мыслили избавиться хоть бы от одного.

Нет, в слободе – все иначе.

Чисто. Степенно. И мирно. Здесь все друг друга знают и стараются жить в мире... во всяком случае, именно так Аннушка полагала до того момента, когда случилось ей столкнуться и с людской черствостью. Неужто те добрые соседи, которые раскланивались и с нею, и с матушкой, поступили бы столь жестоко, вынуждая их распродавать все имущество для уплаты долгов? По правде говоря, Аннушку мучили сомнения: и вправду ли так уж много денег назанимал отец?

– О долгах не волнуйся, – Лефорт держал ее руку – бережно. – Так, значит, ты видишь, сколь разительно здешняя жизнь отличается от той, к которой привычны московитяне.

Как это можно не увидеть?

– Действительно, – улыбка Лефорта смутила Аннушку. – Ты права, дитя! И поверь, многим весьма не по вкусу наше здесь присутствие. Сколько бы мы тут ни прожили, сколько бы ни отдали этой стране сил, умений или же денег, до которых местные бояре особо охочи, мы останемся чужаками. Нас терпят, но и только... представь, что случится, ежели московитяне решат пойти на Немецкую слободу?

– Но зачем?!

– Зачем... скажем, на очередной проповеди им напомнят, что тут живут одни безбожники, а следовательно, их Богу угодно будет лишить нас жизни. А заодно уж – и забрать наше имущество.

То, что он говорил, было... страшно.

Аннушка представила, как легко падет ограда, окружающая слободу, поставленная давным-давно, когда иноземцы лишь начали селиться здесь, и озверевший московский люд, охочий до погромов, пройдет по слободе, круша и ломая все, что увидит.

Полетит по крышам огонь.

Польется кровь...

– Вижу, ты прекрасно все понимаешь, – сказал Лефорт. – И это – лишь Москва, а таких, как мы, чужаков, ненавидит вся Россия... в этом нет ни смысла, ни пользы, одна дикость, которую молодой царь желает одолеть. И для всех нас будет лучше поддержать его в этом начинании.

О царе Аннушка слышала многое.

Некоторые говорили о нем одобрительно, что отличается он редкостным разумением и живостью характера. И что качества эти весьма полезны для правителя.

Другие же твердили, что царь жесток безмерно, своеволен и совершенно чужд порядка, поскольку то и дело берет в нем верх кипучая азиатская кровь, каковой полно в каждом русиче. И разве не «проявил» он себя, отобрав власть у родной сестры, с которой обошелся весьма прескверно? Что уж говорить о людях, кои вынуждены были служить ей. Сколь многие полегли, расплачиваясь за позор, испытанный царем при бегстве в Троицу! Ведь поговаривали, что он до того перепугался, прослышав о планах Софьи, что бросился спасаться в одном исподнем. А спасишься, упал на землю и бился в конвульсиях. Что это, если не кара высших сил?

Третьи же остерегались подобных разговоров, но порою шептались, что Петр вовсе не в слабовольного своего батюшку нравом пошел, а значит, способен на многое. И перемен не избежать, но – во благо ли будут они?

Что ждать от царевича, позванного на престол вторым, после старшего брата Ивана, однако же сумевшего не только выжить, но и отобрать власть – что у царицы, чей ум и норы всем были известны, что у своего слабовольного брата?

Если кто и знал, как ответить на сей вопрос, то молчал благоразумно.

Всего год, как воцарился Петр на московском престоле...

Нет, Аннушка так далеко не видела, ибо не было нужды девице из приличного семейства заниматься столь странным делом, коим является политика. Однако сейчас она разом вспомнила все эти беседы. И Лефорт говорил, продолжая идти неспешным шагом, и многие останавливались, раскланивались с ним – с почтением, но без местной подобострастности – и спешили перекинуться словом-другим с человеком таким удачливым. Лефорт кивал, когда кому отвечал, когда делал вид, будто не слышит вопроса.

– Царь Петр по-юношески пылок, горяч и непоседлив. Он желает получить все и сразу, а когда это не выходит, он впадает в ярость либо же в тоску. Однако находит в себе силы пересилить ее, чтобы попытаться вновь... в нем кипит кровь, и в то же время она не заглушает всецело голоса разума. Сейчас царь стоит на распутье. У него много врагов, но мало друзей. И это – опасное время.

Лефорт остановился у пруда. Он глядел в воду и думал о чем-то, совершенно Аннушке недоступном.

– У власти он всего год, однако и сам теперь понимает, что власть его весьма... условна. Московией по-прежнему правят бояре. Наталья Кирилловна старается привить сыну интерес к деяниям государственным, но местные обычаи таковы, что самое простейшее решение требует многого обсуждения, размышления, неторопливости. А царь норовом пылок, весьма... и терпения ему не хватает.

Аннушка знала, что царь, будучи еще царевичем, как-то появился в Немецкой слободе и был премного удивлен местными порядками. И с той поры зачастил сюда.

– Ему не отдадут власть по доброй воле, однако же он не станет спрашивать. И он уже видит в советниках врагов, которые ограничивают его права самодержца. А царь весьма самолюбив. Запомни это! Никогда и ни в чем не ущемляй его самолюбия, потворствуй ему, говори то, что он желал бы слышать. А то, что не желал бы, скрывай, внушай ему исподволь, чтобы он думал, будто сам пришел к подобным мыслям.

– Я?!

– Ты, милая, – Лефорт повел Аннушку вдоль берега. Пруд был красив, ухожен и ничуть не похож на те забитые грязью, заросшие осокой и рогозом речушки, подбиравшиеся к самой Москве. – Не так давно царя женили. Его согласия на то не было, но матушка и бояре настояли. Государству требуется наследник. И я скажу, что решение это – правильное, поскольку государь принадлежит не столько себе, но и народу. Лишь твердая уверенность в завтрашнем

дне позволит искоренить самую мысль о смуте. Но царь не терпит никакого притеснения своей свободы, да и девица, выбранная матерью ему в жены, прилась ему не по вкусу.

– Она некрасива?

– Отнюдь. Она хороша и воспитана так, как принято воспитывать здешних девиц, а оттого кажется ему невыносимо скучной. К чести Петра, он пытается быть добрым с женой...

Аннушка слушала со всем вниманием, полагая, что разговор этот заведен Лефортом вовсе не для того, чтобы удовлетворить ее любопытство.

– Но если ему встретится женщина – красивая, неглупая, способная не только смотреть, но и поддержать беседу, а паче того поучаствовать в устраиваемых им забавах... полагаю, Петр весьма высоко оценит такую женщину.

– Вы говорите обо мне?

– Именно, Анна. Ты юна. Красива. И для него – диковинна. Петр любит все неизведанное... это хороший шанс не только для тебя или же твоей семьи, – при этих словах Лефорт слегка поморщился, словно бы семейство Анны было ему неприятно. – При должном умении ты легко устроишь собственную судьбу, а также...

Пауза в его речи заставила Анну сосредоточиться.

– А также и помочь многим... Петр смотрит на Запад, но ему твердят, что этот путь не годен для России. Они боятся перемен, не понимая, насколько закостенели. И если те, кто нашептывает ему, что от нас исходит зло, возьмут верх, то пострадают очень и очень многие достойные люди. Может статься, что Немецкая слобода и вовсе прекратит свое существование!

Сердце Аннушки обмерло.

Франц Лефорт, конечно, человек великого разума, и, значит, все именно так и есть.

Но что может сделать Аннушка? Неужели она, слабая женщина, способна как-то повлиять на происходящее?

– Но если царя получится убедить, что от иноземцев нет вреда, но может быть великая польза, то те же достойные люди получат шанс на новую жизнь.

– И что делать мне?

– Тебе, милое дитя, надо просто быть собой и постараться угодить царю... не волнуйся, я помогу тебе советом...

...и не только советом. По возвращении в аустерию Франц Лефорт решил, что будет лучше, если Анна пока останется в доме матери, – он имел с Матильдой долгую беседу. А на следующее утро Аннушкой занялись портные. Ее обмеряли со всех сторон, вертели, крутили, приносили чудеснейшие ткани, о которых прежде Аннушка лишь мечтала, а к ним – и кружево, и ленты всех цветов.

И сестрица, забыв о том, что некогда она считала Аннушку глупой, спешила давать советы.

Она улыбалась – так старательно, что Аннушке становилось не по себе.

Неужели Модеста ей завидует?

– Ах, глупенькая, – восклицала та, стоило Аннушке упомянуть, что она безумно боится встречи с царем. – Это ведь шанс, который выпадает раз в жизни! Всего-то и надо, что понравиться, и тогда у тебя все будет.

– Что – «все»?

Уверенность Модесты пугала Анну.

– Все – это все и есть, чего ты только пожелаешь. Захочешь дом – подарит дом! Или наряды... или драгоценности... – Модеста набросила на плечи отрез шелка. – Главное, не теряться. Царь щедр...

– А ты его видела?

Модеста фыркнула: естественно, она видела молодого царя! И, признаться, впечатления он на нее не произвел. Вот Лефорт – дело иное, и человек солидный, и держится соответствующе. Он степенен, нетороплив и манерами обладает самыми приятными. Что до царя, то он показался Модесте мальчишкой-переростком, излишне худым, дерганым и каким-то... диким.

– Какая разница, – отмахнулась Модеста. – Настанет твой черед, так еще насмотришься.

Она оглядела сестрицу, думая, что уж этой-то тихоне ни в жизнь не привлечь царское внимание, а если он и глянет на нее – все же Аннушка красива, пусть не умеет эту красоту подать, – то вскоре забудет, заскучает рядом с нею.

Лучше бы Лефорт Модестой занялся, уж она-то не растерялась бы!

И тем обиднее было ей слышать матушкины причитания. Та как-то сразу поверила, что младшая дочь достигнет небывалых высот, а потому принесет немалую пользу и самой матушке, и Модесте, и братице... А оттого полагала, что она обязана сделать все возможное, дабы Аннушка предстала пред царем в наилучшем виде.

– Анхен, держи спину прямо, – теперь все матушкино внимание было целиком отдано одной дочери. – И не суетись! Не трогай лицо, от этого кожа жирной становится... Анхен, нельзя расставлять локти... и не горбись...

Аннушке порою хотелось сбегать и от наставлений матери, столь назойливых, что даже когда Матильда все же отступалась от дочери, то высокий строгий голос ее продолжал звучать в ушах девушки. И от Модесты с ее душной притворной заботой, в которой нет-нет да и проскальзывали иглы зависти.

И от портних.

И от Лефорта, который захаживал к ним ежедневно, наблюдая за тем, чтобы выделенные им деньги тратились по назначению, а не оседали в бездонных карманах Матильды.

Та гостью радовалась, но радость эта была чрезмерно бурной, чтобы можно было поверить в ее искренность.

С Аннушкой Лефорт был ласков и терпелив.

– Не бойся, – приговаривал он. – Все, что от тебя пока требуется, – быть собой. Улыбнись. У тебя очаровательная улыбка...

И как бы Аннушка ни желала оттянуть неизбежное, но наступил день, когда ей велели собираться. С самого раннего утра засуетилась матушка, требуя от служанок – а в аустерии вновь появились служанки, да и многие исчезнувшие вещи, проданные за долги, возвратились на свои места, – то льда, которым следовало протереть кожу Анны, то горячих полотенец, то ароматных травяных отваров... крутилась поодаль Модеста, фыркая презрительно на каждый матушкин вздох.

Анне велели сидеть смирно.

Ее одевали, переодевали, пудрили... и, перебрав несколько париков, матушка остановилась на самом высоком.

– Ну посмотри же, до чего хороша! – воскликнула она, всплеснув руками. – Чудо, как есть чудо...

Сцена была задумана прелестнейшая.

Аннушку усадили в лодку, которая, впрочем, была прочно привязана к пристани, да и Лефорт поспешил сказать, что пруд не так уж глубок и Аннушке совершенно ничего не угрожает. Ей вручили кружевной зонтик, дабы защитить нежную кожу лица от солнца.

– Прекрасно, – Лефорт отошел, любуясь композицией. – Еще лебедей выпустить надобно.

Лебеди жили тут же, некогда прирученные, они были толстыми и ленивыми, однако каждый год осенью им подрезали крылья. Аннушке было жаль птиц, которых лишили свободы, и сейчас она представила себя таким же лебедем, живущим сытно, но – ради чужой прихоти.

Мысли эти ее опечалили...

Потом она подумала о матушке и ее надеждах, о сестрице, брате, о тех многих людях, которые могут пострадать из-за ее, Аннушкиного, упрямства. И ей сделалось стыдно.

Ах, если бы на ее месте оказалась Модеста! Уж она-то не растерялась бы...

На пруду было тихо... лодочка покачивалась на волнах, кружили лебеди, порой подплывая столь близко, что Аннушка, пожелай она того, могла бы коснуться их белого оперения. Птицы тянули шеи, открывали массивные клювы и шипели, выпрашивая еду.

– А вы уверены, Игнат Алексеевич? – промурлыкала блондинка, не сводя с Игната томного взора. Глаза у блондинки были пустыми, кукольными.

– Уверен.

Она его раздражала.

Все в конторе его раздражали, причем умудрялись они это делать как-то естественно, не прикладывая, казалось бы, никаких к тому усилий. И ведь не скажешь, что сотрудники начальство не уважали.

Уважали.

Смотрели на него с восторгом и почитанием, вот только чудилась ему какая-то издевка...

– К сожалению, – блондинка с подходящим ей именем Эллочка тяжело вздохнула, – я вынуждена отказать в этой вашей просьбе...

А тон такой, словно он что-то неприличное попросил. И, главное, сказала громко, все обернулись, посмотрели на Игната с неприкрытым возмущением. Эллочка же губку прикусила, ресницами взмахнула и добавила:

– Она идет вразрез... с моими должностными обязанностями.

И вот – снова! Ни слова неприличного, но ясное дело: теперь каждый в этой чертовой конторе будет думать, что Игнат попытался блондинку в постель затащить. А она отказала! Ибо это идет вразрез с ее должностными обязанностями! Но главное, что при этом Игнат о другом разрезе думает, о том, который на ее юбке.

– Я просто... – он старался говорить ровно, но получалось плохо, – попросил вас приготовить мне кофе.

Она же готовит кофе для клиентов! И чай. И не капризничает, но выспрашивает, какой именно напиток дорогой гость предпочитает – черный, зеленый, белый... Игнат понятия не имел, что в природе существует белый чай. Или этот, как его, ройбош.

А блондинкина бровь приподнялась: мол, знаем мы вас! Сначала кофе. Потом под юбку полезете... и ведь все, буквально все здесь думают так же!

За что ему это наказание?!

– Для вас кофе, – Эллочка наклонилась, демонстрируя ему глубокое декольте, и Игнат отвернулся, чувствуя, что краснеет, а тон какой ласковый, словно со слабоумным разговаривает, – секретарь готовит.

Поднялась. Поплыла лебязьей походкой, бедрами покачивая, готовая принять в свои объятия нового клиента.

Змея!

Клубок змей, и Игнат над ними – главный. Формально. А реально – его ни в грош не ставят. И началось все с того самого растреклятого понедельника, когда он попытался в этом бедламе порядок навести.

– Игнат Алексеевич, можно к вам? – В отличие от Элочки главный бухгалтер носила длинные цыганские юбки безо всяких разрезов и цветастые блузы с обильными воланами. Приказ о корпоративном имидже она пропустила мимо ушей.

Хотя приказа не было.

Секретарь ушла. Кто будет кофе этот готовить? Разве что сам Игнат. А он, стыдно признаться, с техникой не ладил. И с людьми – тоже.

– Это очень-очень важно! – Главный бухгалтер кокетливо взбила прическу, и многочисленные браслеты на ее запястье зазвенели. Игнат понял, что еще немного – и он на крик сорвется.

– Я вас слушаю...

Слушать придется длительное время. Любезная Виктория Павловна могла говорить, как Игнат подозревал, бесконечно долго. И речь ее была плавной, правильной и убаюкивающей. У Игната с трудом это выходило – слушать, не теряясь в хитросплетениях ее мыслей. Поначалу он пробовал осаживать Викторию Павловну, задавал ей вопросы, но она терялась, огорчалась, начинала вздыхать и доставала из складок юбки кружевной платок, которым промокивала несуществующие слезы. Успокаивалась и начинала рассказ заново.

Издевалась!

Все в этой конторе издевались над ним, но каждый – по-своему.

Дмитрий – составляя ежедневные отчеты, подробные и пустые, но обязательные к прочтению, поскольку в груди ненужных цифр пряталась нужная информация.

Станислав, снисходивший изредка до разговоров с начальником, но цедивший каждое слово с таким видом, что становилось очевидно: он сомневается в умственных способностях вышестоящего господина. И ведь терминами нарочно речь пересыпал, да так густо, что Игнат и сам стал сомневаться в собственных умственных способностях.

Бухгалтера. Юристы. Логисты... буквально все его ненавидели.

Курьер – и тот пакостил по мелочи.

Из-за чего?!

Из-за штрафов за опоздание? Это общепринятая практика, как и ограничение доступа на некоторые сайты, запрет на звонки, не относящиеся к работе, на установление корпоративных норм одежды... Или все же – из-за той дурочки с рыжими хвостиками? Она и с кулером-то управиться не в состоянии, а туда же – секретарша... недоразумение сплошное.

Надо отыскать нового секретаря, но вот специалист по кадрам всем кандидаткам отказывает. И главное, что доводы веские приводит...

– Вы меня совсем не слушаете, – тяжело вздохнула Виктория Павловна. – Игнат Алексеевич, я понимаю, что вы молоды и работать вам скучно, но мой жизненный опыт...

...был достаточно богат, чтобы его хватило на пару часов душевной беседы.

Уволить. Всех!

И фирму закрыть.

Но это неразумно, потому что фирма приносит доход, причем немалый. У нее репутация. Клиентура наработанная. Отец, опять же, огорчится. А ему никак волноваться нельзя. Он и так не хотел Игната сюда допускать, мол, не справится... и прав был, выходит?

Новых работников найти? Тоже не выход. Отец их долго собирал. И если разобраться, то каждый – уникальный в своем роде специалист. Даже блондинка, которая как-то особенно раздражала Игната, вероятно, своим невероятным сходством с Ленкой.

Нет, Ленка – брюнетка. И глаза у нее карие. Кожа белая. Фигура другая, но... но рядом с ней Игнат чувствовал себя точно так же неуверенно, как рядом с Элочкой. Все казалось – недотягивает он до Ленкиного уровня. Не соответствует...

– Делайте, что считаете нужным, – сказал он Виктории Павловне, осознавая, что дальше бороться не имеет сил. И оставаться в офисе, пусть и роскошном – у отца были свои слабости, – никак не может.

Есть ему хотелось.

И пить.

И перекинуться парой слов с кем-то, кто его, Игната, не ненавидит.

– До понедельника, – сказал Игнат, подхватывая портфель.

– Вы уходите? – В темных цыганских глазах Виктории Павловны мелькнула тень удовлетворения.

– Совещание. Срочное. Опаздываю...

Он выскочил за дверь, едва не сбив с ног Эллочку, которая несла кофе.

Не для Игната.

Вот почему для Станислава ей кофе сварить несложно, а для Игната – проблема? Загадка, однако... хотя нет, понятно: Станислав – свой, а Игнат...

Добравшись до машины, Игнат бросил портфель на заднее сиденье и достал телефон. Ну и кому звонить? Ленке? Она не тот человек, которому можно пожаловаться на трудности, тем паче что в его изложении они и трудностями-то не выглядят. Смешно: обиделся, что кофе ему не сварили...

Отцу?

Он все поймет, но... стыдно. С другой стороны, рассказывать ему обо всем необязательно. Игнату лишь передышка нужна, а дальше он и сам справится.

– Привет, – он прижал трубку ухом. – Как здоровье?

Сердце – это ведь не шутки. И желудок еще. И вообще, врачи сказали, что причина – в возрасте и в том, что половина жизни пациента прошла в неблагоприятных условиях, и это не могло «не сказаться». А Игнат давно его уговаривал от дел отойти. В санаторий поехать. В Швейцарии хорошие санатории, мертвых на ноги ставят, так нет же – как он своих людей бросит, ответил отец...

А эти люди кого хочешь живьем сожрут!

– Поправляюсь, – отец отвечал так каждый раз, вне зависимости от того, как действительно себя чувствовал.

– Врешь ведь.

Потеплело на душе. И собственный недавний гнев показался ему глупым. Как подросток, честное слово.

– Не поладили? – Отец смеялся, нет, не вслух, но Игнат умел различать оттенки его голоса. – Сам виноват! Полез нахрапом, вот и расхлебывай.

Виноват. Полез. Расхлебает. Или Игнат их переломит, или они – Игната.

– Э, нет, дорогой, – вот снова, ничего-то и говорить не понадобилось, отец и без слов все распрекрасно понял. – Силой ты ничего не добьешься. Иди с Ксюшой мирись. И веди себя прилично!

– Это с рыжей, что ли?

– С ней, с ней. – Голос у отца довольный, словно он наконец исполнил давнюю свою мечту и «оженил» Игната. Хотя, конечно, и сам Игнат собирался жениться, правда, отец почему-то выбора его не одобрил. – Она в конторе каждого знает. И с каждым договориться сумеет, если, конечно, ты с ней общий язык найдешь.

Ну тут Игнат не сомневался: найдет. Предложит зарплату поднять, не сильно, так, чтобы ее самолюбию польстить. Извинится – он мальчик взрослый, небось корона не упадет от пары слов. И вряд ли вообще у этой Ксюши так уж много вариантов. Небось на рынке труда секретарш – переизбыток.

– Она пирожные любит. Заварные, с кремом, но только с кофейным, из кондитерской, которая на площади...

Игнат знал эту кондитерскую, сам туда заезжал частенько. Выпечка там была божественной, правда, и цены поднебесные. И не крутовато ли для секретарши?

– И цветы не забудь.

Обойдется!

Он не ухаживать за ней собирается, а вернуть на законное рабочее место.

Отец еще долго что-то говорил, но уже о чем-то отвлеченном, вроде погоды, клиники и докторов с их назойливой ненужной заботой, изо всех сил притворяясь бодрым, но Игнат и на расстоянии чувствовал его усталость. Вновь нехорошо закололо под сердцем.

Он и вправду не вечен. И если – вдруг, то...

– Пирожные купить не забудь, – сказал отец, прежде чем отключиться.

Не забудет. Только обойдется его красавица и обычными заварными, из супермаркета, небось по пути такие отыщутся. Игнат потер шею и замер. Кажется, за ним... следят!

Ощущение было мимолетным, но вполне отчетливым.

Он потянулся, пытаясь разглядеть в зеркале заднего вида стоянку. Машины... и человек? Или нет, показалось? Надо бы у охраны попросить видеозапись... хотя странно. Кому понадобилось следить за Игнатом? Разве что сотрудникам его фирмы, желавшим убедиться, что босс действительно сейчас уедет?

Вот радости-то...

Ощущение исчезло, но мерзковатое послевкусие осталось. Довели его, называется.

Всю неделю Ксюше звонили.

Жаловались.

Рассказывали о бесчинствах нового руководства, который – вот ужас! – был сыном такого замечательного человека, как Алексей Петрович.

Сочувствовали.

Интересовались, почему Ксюша себе работу не нашла, а если нашла, то, быть может, там, где она ее нашла, еще специалисты нужны... нет, конечно, с ходу увольняться никто не собирался, но перспективы открывались не самые радужные.

Ксюша уговаривала их не спешить.

На самом деле ей даже понравилось ничего не делать. Просыпаться поздно. Лежать в кровати, разглядывая потолок, который Настена расписала виноградными лозами и райскими птицами. Идти в кухню – и Мистер Хайд понуро трусил следом – и поливать цветы.

Одеваться.

Искать поводок, который каждое утро терялся.

И вытаскивать Хайда на прогулку. Впервые время ее не поджимало, и Ксюша порою доходила до парка, что отнюдь Хайда не радовало. Он был уже не в том возрасте, чтобы ценить долгие прогулки. Но – терпел. Потом было возвращение и завтрак вдвоем...

Прогулки. Уборка, до которой все же у нее руки дошли.

И разбор содержимого шкафов, куда складировались вещи, переставшие быть нужными. Долго складировались... годами... и вот теперь Ксюше предстояло понять, что из этих запыленных сокровищ подлежит дальнейшему хранению, а что – выносу к мусорным бакам. Главное, маме «не озвучивать». Мама вечно все считает очень нужным, важным и живет по принципу «авось пригодится».

Телефонный звонок раздался, как раз когда Ксюша решила-таки открыть дверцу самого большого шкафа, того, который был сделан по дедушкиному проекту, в силу чего обладал он чудовищной вместительностью.

Коробки, коробочки, ящики и узлы какие-то... вещи, стопками... книги, тетради...

И тут зазвонил телефон.

– Да? – Ксюша прижала трубку к плечу. Эта ее привычка бабушку раздражала – подобные жесты для леди неприемлемы. – Я вас слушаю.

Тишина. Дыхание частое, собачье какое-то. И потрескивание.

– Вас не слышно!

– Верни.

Голос скрипучий, механический.

– Что... вернуть?

Нет, в контору, случилось, сумасшедшие звонили. И угрожали. И даже однажды письмо прислали с белым порошком, как выяснилось – не с сибирской язвой, а с обыкновенным, стиральным. Но Ксюша уже не в конторе.

– Верни, а то хуже будет!

– Извините, вы, наверное, не туда попали, – Ксюша нажала на отбой. И вот чего людям в жизни не хватает?

Хайд зевнул. Ему явно не хватало тишины и покоя, которые царили в доме, когда Ксюша ходила на работу. Телефон зазвонил вновь.

– Верни, – прошипели в трубку, и Ксюша на всякий случай отодвинула ее от уха: мало ли, вдруг бабушка права насчет дурных эманаций, которые передаются по телефону? – Верни, или кто-то умрет.

– Кто умрет?

Вот привязался! Сказал бы, что именно вернуть-то?

– До понедельника.

И – короткие гудки.

Ну и что Ксюше прикажете делать? В полицию идти? И что она им скажет? Неизвестно кто позвонил, требуя вернуть неизвестно что, в противном случае угрожал убить неизвестно кого... бред!

А номер не определился.

– Мы же не станем придавать этому значения? – спросила Ксюша, и Хайд опять зевнул. Разбирать шкафы ей резко расхотелось.

– Пойдем гулять?

Хайд отвернулся. Он уже гулял сегодня. И вечером еще погуляет. А днем тащиться – жарко!

– Ну пожалуйста, пойдем. А то...

Ксюше стыдно было признаться, что ей в голову ужасы всякие лезут. Она – существо впечатлительное, но прогулка все исправит. И Хайд со вздохом поднялся: ни в чем он хозяйке отказать не мог.

Вот только далеко уйти у них не получилось: у подъезда Ксюшу поджидали.

– Здравствуйтесь, – сказала она, перекладывая поводок в левую руку. – А вы к кому?

– А я к вам, – Игнат Алексеевич улыбнулся.

Ну вот, сразу и стало ясно, что явился он не по собственной воле. Алексей Петрович велел? Или действительно его в конторе допекли? Одна Эллочка чего стоит... но мог бы и не притворяться, что он Ксюшу рад видеть.

– А мы – гулять, – Ксюша потрепала Хайда по загривку. – С собакой.

– Вижу.

Конечно, на кота Хайд никак не был похож. А этот... уставился, смотрит. И Хайд – на него. Он умел разглядывать людей, и те обычно пятились, им казалось, что он на них бросится. Люди не знали, что Хайд исключительно интеллигентен.

– Ваша?

– Моя.

Ну, давай, скажи, что не ожидал увидеть такую собаку. Что, наверное, ее тяжело держать в городской квартире. Что маленьким девушкам приличнее маленьких песиков иметь, декоративных. А этот лохматый и жрет, как не в себя...

Ксюша все это слышала, и не раз.

И отчего она тогда так разволновалась?

Хайд махнул обрубком хвоста, показывая, что знакомство состоялось. А Игнат Алексеевич перевел задумчивый взгляд на Ксюшу и спросил:

– Вы не против, если я присоединюсь к прогулке? Нам надо поговорить.

Это ему надо поговорить. А Ксюше – успокоить нервы и убедить себя, что позвонивший ей тип – просто злой шутник. Или так: весна, обострение у многих, и, значит, ничего страшного в понедельник не произойдет.

А с ним гулять... успокоить нервы – не получится.

Но и грубить нехорошо, тем паче что Алексей Петрович просил ее за сыном приглядеть.

– Это вам, – он протянул ей картонную коробку. – Эклеры.

Из супермаркета, конечно, с масляным кремом, который давным-давно уже не на масле делается и потому слишком сладкий, вязкий и вообще на оконную замазку похож.

– Спасибо, – Ксюша коробку взяла.

Отнесет ее Людочке, в двадцать вторую квартиру. Та сладости любит...

– Мы в парк идем. Вам не будет жарко?

Май в разгаре. И день выдался солнечным. А этот – в пиджаке, и совершенно жутком, шерстяном, с люрексовой нитью. Ксюша и не знала, что такие еще выпускают! Галстук, опять же, смешной, цыплячье-желтого цвета, с красными волнами. Рубашка же – темно-синяя.

Ну вот кто ему одежду подбирает? У Алексея Петровича врожденный вкус имеется. А здесь...

До парка они дошли молча. Хайд вписался между Ксюшей и этим... начальником, которого этакая близость псыны ничуть не смутила. Он шел, засунув руки в карманы брюк, насупившись, думая о чем-то своем.

– Сюда, – Ксюша свернула с дорожки. – Там площадка, Хайду есть где побегать.

Тот фыркнул: не в его возрасте предаваться таким глупым забавам.

Как и следовало ожидать, площадка в этот час была пуста. Может, это и хорошо, никто не помешает. И лавочка свободна. Ксюша отстегнула карабин и намордник сняла. Будь ее воля, она бы его и вовсе никогда не надевала на Хайда, но – закон есть закон.

– Не бойтесь, что сбежит? – Лавочку Игнат Алексеевич разглядывал с явным подозрением. Чего он ждал? Кнопки, в дереве спрятанных? Ксюша надеялась, что до кнопок и прочих детских глупостей в конторе дело не дошло.

– Он воспитанный.

Хайд отошел на пять шагов и улегся, всем своим видом показывая, что не намерен оставлять драгоценную хозяйку наедине с этим крайне подозрительным типом.

– Мне... я... – Игнат Алексеевич откашлялся и потянул узел галстука, словно тот был завязан слишком туго. – Я хотел бы извиниться за некоторую поспешность... в своих решениях. И я уполномочен предложить вам... Оксана...

Совсем разговаривать не умеет!

– ...вернуться на прежнее место.

И уставился на нее, будто это она виновата, что ее уволили.

– Конечно, в качестве компенсации морального ущерба я выпишу вам премию...

– И зарплату повысите.

Не то чтобы Ксюша в деньгах нуждалась, но ведь зарабатывала она их честным трудом. И Алексей Петрович сказал – сразу не соглашаться.

– Повышу. На пять процентов.

– Десять!

Насупился. И сдался:

– Ладно.

– Тогда хорошо, – все-таки шкафы, наверное, обождут. В конце концов стояли они пять лет без Ксюшиного внимания, постоят еще пару месяцев, до отпуска. – В понедельник я выйду на работу.

Он кивнул и выдохнул, как ей показалось, с облегчением. И вроде бы он мог бы и уйти, но нет – сидит, ждет чего-то.

– Здесь тихо, – Игнат Алексеевич стянул пиджак. – И мирно как-то...

– Это сейчас. Ближе к вечеру народ соберется... вообще, Хайд по характеру скорее Джекил. Мирный до невозможности... он раньше спасателем работал. А когда постарел, папе предложили его забрать. Иначе его усыпили бы... жалко.

Хайд закрыл глаза, притворяясь спящим. Только обрубки ушей подрагивали.

Из головы ее почему-то не шел тот телефонный звонок.

– А... – Ксюша покосилась на начальника. – А в конторе все нормально?

Нет, она, конечно, знала, что в конторе все совершенно ненормально, иначе он в жизни бы в ее дворе не появился, но, если что-то сверхординарное случилось, Игнат Алексеевич ей об этом скажет.

Должен!

Он вздохнул и буркнул:

– Нет. Они... я понятия не имею – чего им надо?! Они у меня вот где сидят, – он рубанул ребром ладони по горлу. – Издеваются...

– Рассказывайте!

Ксюша подумала, что сейчас ее снова уволят – за чрезмерное любопытство, но нет: Игнат Алексеевич принялся рассказывать, громко, эмоционально, еще и руками размахивал, будто ветряная мельница. Он разом растерял всю свою начальственную спесь, и это Ксюше понравилось.

Хайд, приоткрыв глаз, за чужаком следил. Так, на всякий случай.

– Ну вот что я сделал не так? За что они меня ненавидят?!

Возмущение и обида его были настолько искренними, что Ксюша с трудом сдержала улыбку.

– Игнат Алексеевич...

– Игнат.

Надо же, какое вдруг доверие!

– Игнат, – поправилась Ксюша. – Во-первых: Виктория Павловна. Вы запретили ей разговаривать с дочерью, а у той вечные проблемы, и Виктория Павловна за нее волнуется. Переживает! А когда она переживает, то не может сосредоточиться на работе. И начинает мешать всем остальным.

Кивнул Игнат и, развязав галстук, сунул его в карман рубашки.

– Во-вторых, Стас. У него золотая голова. Он об этом знает. И еще, он очень самолюбивый. Его хвалить надо, подчеркивать, что он очень важен для конторы. Ну и позволять иногда... всякое.

– Какое?

Ксюша пожала плечами:

– Опаздывать, например. Стас – очень ответственный, и, если дело действительно важное или встреча назначена, он в жизни не опоздает. А так... ну, придет он на десять минут позже. Полежит на диване чуть дольше... зато и он спокоен, и работа выполнена.

– Это неправильно!

Ну да, Ксюше рассказывали о новых порядках и о системе штрафов за опоздания.

– Неправильно, если такие мелочи начнут доставлять фирме крупные проблемы. Элла... она – особенная.

– Да уж!

Скривился. Небось успел познакомиться с той стороной Эллочкиной натуры, которую вся контора тихо ненавидела, хорошо хоть, проявляла ее Эллочка не так уж часто.

– Она часто болтает с подругами, но... ее личные связи не раз помогали решать нам проблемы... всякого рода. А еще Эллочка людей чует.

– Как?

– Ну... она встречает клиента и разговаривает с ним. Пара фраз – и Эллочка точно знает, к кому его отправить. Еще ни разу не ошиблась. А Димочка – гениальный аналитик и...

Игнат опять вздохнул, тяжелее прежнего.

– Не волнуйтесь. Все наладится, – Ксюша встала. – Хотите, я вас чаем напою?

– Лучше кофе.

Ну вот, а она думала – он откажется. Ведь понятно же, что такие приглашения сугубо из вежливости делаются, ну, или по душевному порыву. А Игнат взял – и согласился.

Слава богу, в кухне Ксюша прибраться успела...

Возвращались тоже молча. Игнат нес под мышкой пиджак, и желтый хвост галстука свисал из кармана. Выглядел начальник потеряннным и несчастным. А еще – более молодым, чем ей показалось в ту, предыдущую их встречу. Тогда Ксюша решила, что ему за пятьдесят... ну ладно, за сорок, а теперь поняла – вряд ли больше тридцати. Спросить? Неудобно как-то.

Хайд, видимо, решив, что гость не опасен, брел позади.

А дверь в ее квартиру оказалась открытой.

Странно! Ксюша, конечно, девушка рассеянная, но не до такой же степени! И она точно помнит, что дверь закрывала, правда, только на нижний замок – верхний постоянно заедал, и вообще, расположен он неудобно, приходилось на цыпочки вставать, чтобы до него дотянуться.

Но дверь была открыта.

И даже приоткрыта.

Хайд нахмурился и глухо рявкнул.

– Что? – очнулся Игнат.

И Ксюша честно ответила:

– Не знаю, кажется... там воры.

Странно! Зачем им к Ксюше лезть? У нее ведь ничего ценного нет... телевизор и тот старый, и ноут не самый ценный. Из украшений – мамины серьги, цепочка и колечко, но все равно, вряд ли они трудов таких стоят.

– Отойди, – Игнат просто Ксюшу взял – и переставил. За дверь. И, глянув на Хайда, спросил: – Есть там кто?

Пес потрянул головой.

– Тогда вперед!

Игнат толкнул дверь, осторожно, а сам к стенке прилип, как в кино, когда герой от выстрелов спасается. Но выстрелов не последовало. И Хайд вполне спокойно вошел в квартиру.

– Может, полицию вызвать? – Ксюша опять вспомнила о телефонном звонке.

– погоди.

Игнат вошел в квартиру следом за Хайдом. Пробыл там недолго, выглянул и пробурчал:

– Никого нет. Спугнули его, наверное. Только... он тут немного... того.

Немного?! Да это ужас просто! Ее курточку и плащик, новый и нарядный, сорвали с вешалки, швырнули на пол. И стойку для зонтов опрокинули! И в кухне высыпали все крупы. Искали что-то? Ксюша слышала, что некоторые люди прячут деньги в банках с крупами. Но она же не такая... и вазоны с подоконника на пол сбросили. А потом еще и прошлись по ним...

– Посмотри, пропало что-нибудь?

В комнате – разгром. Вещи перевернуты, раскиданы. И шкафы открыты, содержимое их на пол вывалено... нет, не искали они ничего, просто громили квартиру.

Диван ножом вспороли.

И любимое бабушкино кресло с кожаной обивкой, которую следовало протирать дважды в месяц специальным составом, но Ксюша забывала это делать.

Ящички, ящички... коллекция дедушкиных табакерок... некоторые раздавлены.

Свитера. Постельное белье.

– Кому ты так насолила-то? – Игнат поднял подушку, из которой вываливались перья.

– Не знаю.

У Ксюши не было врагов. Вот – никогда! У всех были, а она... она как-то умудрялась с людьми ладить. У нее талант такой. А тут вдруг...

– Пропало что-нибудь?

Ксюша пожала плечами: вряд ли. Комп на месте. И телевизор тоже. Интуиция ей подсказывала, что и деньги, которые Ксюша держала в одном местечке – на мелкие расходы, никуда не исчезли. Тот, кто тайно вошел в ее квартиру, желал именно устроить погром.

И у него это получилось.

– Тогда полицию вызывать смысла нет. Не будут они этим заниматься.

Ксюша уже и так это поняла.

– Не расстраивайся, – Игнат сел рядом с ней. – Сама цела – и это главное. А остальное – уберешь... потихоньку.

Ему легко говорить! А как объяснить дедушке про табакерки? Или как Насте сказать, что ее стеклянных кошечек кто-то смахнул на пол? И кошечки... разбились.

За что?!

Игнат вышел и вернулся с кружкой воды, сунул ее Ксюше в руки.

– На, выпей.

– Я не хочу.

– Пей!

И послушаться его Ксюша не посмела. Она глотала воду и – странное дело – действительно успокаивалась.

– Ну? Легче стало?

Кивнула.

Действительно. Сама – цела. И Хайд – тоже. А с остальным она управится. Могло быть и хуже.

Игнат вновь исчез, а Ксюша, оглядевшись, подняла уцелевшую кошечку. Ей на полке – самое место... и табакеркам. Наверное, сначала надо подмести? Или все собрать, а потом уже подметать?

– Дверь не взламывали, – сказал Игнат, вернувшись. – Хотя замки в ней у тебя паршивые. Придется менять.

– Поменяю.

– Я уже вызвал мастера. Скоро он будет. Ты мне кофе обещала.

– Вы... вам, наверное, лучше уехать. Вы же видите, что здесь творится.

Стекло. Одежда. Пух. И еще – какие-то бусины, Ксюша и сама не помнила, частью чего они были.

– Уеду. Но сначала пусть решится вопрос с замком. У кого твои ключи есть?

У мамы. Папы. У бабушки и дедушки. У Насти, которая изредка к ней заглядывает, иногда – с новым парнем. Настя как-то легко их находит и еще легче расстается. У соседки снизу. И у соседки сверху. А еще запасной – Ксюша вечно ключи теряет, – на работе.

И в бардачке тоже.

По мере перечисления лиц и мест, где имелись запасные ключи от ее квартиры, физиономия Игната вытягивалась все больше:

– Ты... совсем ничего не боишься?!

Он, наверное, думает, что Ксюша беспечная. Папа тоже так говорил, хотя сам сделал дубликаты ключей для своего двоюродного брата, которому надо было где-то переночевать, а Ксюша как раз в отъезде была... приехав домой, она потом бутылки из-под кровати убирала.

– Так уж получилось.

– Ладно, иди... кофе варить.

Ишь, раскомандовался! А между прочим, Ксюша только с понедельника на работу выйти обещала, и сейчас она не на службе. Но возражать ему у нее почему-то желания не было. В конце концов Игнат вовсе не обязан с ней возиться и мастеров ждать, и замки переустанавливать.

К счастью, кухонную посуду неизвестный вандал бить не стал. Или, может, решил, что она небьющаяся? И кофе уцелел. И сахар тоже. Не считая рассыпанных круп и цветов, кухня была, пожалуй, наименее пострадавшим помещением в квартире.

Поставив джезву на сковородку с песком, Ксюша принялась разбирать цветы, успокаивая себя тем, что маленькие кактусы очень живучи. Да и то пострадали лишь горшки. А Ксюша все равно собиралась их поменять на новые, она видела в цветочном магазине нарядные такие, ярко-желтые и мандариново-рыжие... завтра она устроит себе праздник покупок.

К тому времени, как кофе был готов, мастер появился и занялся дверью, а Ксюша более или менее прибралась. И, подумав, что Игнат вряд ли сегодня обедал, она соорудила пару многослойных бутербродов.

– Спасибо, – сказал он, без всякого стеснения подвигая к себе тарелку. – Правило первое: ключи никому не давать. И уж тем более не оставлять там, где их любой взять может.

Это на работе, что ли? Так Ксюша их забрала оттуда.

– Сделать копию несложно. Замки тебе поставят хорошие, но они – тоже не спасение. Правило второе: без своего зверя на улицу не высовываться.

Хайд пришел на кухню и улегся под столом.

– Почему?

– По кочану. Ксюша, ну ты как маленькая! Ну сегодня тебе квартиру разгромили, а завтра тебя в подъезде встретят... хорошо, если просто побьют.

Плохо! Ксюша совсем не желает, чтобы ее «просто побиили»!

– Но могут и шилом в бок ткнуть. Это не игрушки! Подумай, кому ты могла так дорогу перебежать?..

Никому!

– Это не случайность, – Игнат откусывал от бутерброда огромные куски и заглатывал их, не пережевывая. – За тобой следили.

Чушь! Кому могло понадобиться следить за Ксюшей? Да кто она такая? Никто!

– Ну, подумай сама. Кто бы это ни был, но он подгадал момент, когда ты на прогулку вышла. И знал примерно, сколько у него времени есть.

Сначала был звонок... странный такой звонок. И выходит, что звонивший дождался, когда Ксюша уйдет гулять – а она всегда, когда нервничает, гулять идет, – и забрался в квартиру?

– Это личное, девочка. А заявление у тебя вряд ли примут... Ты с женатым не спишь?

– Что?! – От возмущения у Ксюши даже дыхание перехватило.

– Не спишь, значит. Бардак устроить – это как-то... по-бабски. Мелочно. Грязно.

А по-мужски, выходит, – это поймать в подворотне и дубиной череп раскроить?

– У подружки парней не уводила? Ну, или я не знаю, что там еще бывает между вами... – Игнат облизал пальцы и сказал: – Вкусно было! И кофе хороший. Давненько такого не пил... А в конторе ты тоже кофе варить будешь?

– Буду.

– Хорошо, – он зевнул и потер челюсть. – С газовыми баллончиками, электрошокерами и прочей ерундой не вздумай связываться. Больше вреда от них, чем пользы. У тебя защитничек имеется... но только все равно, пожалуйста, будь осторожна!

Это Ксюша ему пообещала с чистым сердцем.

Немецкая слобода была близка к Преображенскому, где прошли и детство, и юность Петра. И если само село вызывало в душе царевича смешанные чувства – уж больно глубокий след оставил в памяти лютый стрелецкий бунт, – то Кукуй виделся Петру неким местом, где царили свобода и порядок. Впервые оказавшись на Кукуе, Петр был поражен.

– Дьявольское место! Дьявольское, – выговаривала ему Наталья Кирилловна, с которой сын попытался поделиться своими восторгами. – От чужаков – все зло!

Впрочем, матушка давно уже не понимала его. Любила – это верно, но от любви и заботы, чрезмерной, назойливой, ему становилось душно. Отчего она, женищина умная, сумевшая выстоять в непростые для Нарышкиных времена, теперь отказывалась видеть, что сын ее стал взрослым? Она же словно осталась в том, прошлом времени, где он, непослушный и излишне любопытный мальчишка, рос, окруженный няньками, шептухами и святыми бабками. Их-то в доме привечали, выслушивая куда как внимательнее, нежели самого Петра.

Конечно, к опальному царевичу, пусть и признанному вторым царем после старшего, но бессильного брата Ивана, заглядывали и бояре, из тех, кто готов был ждать. Однако их визиты в памяти Петра остались столь же скучными, как и старушечьи сплетни.

Порою он, спрятавшись от досужих нянек, смотрел, как медленно и важно ползет по дороге очередной возок, чтобы остановиться перед теремом. И вся дворня бросает работу, глаза на гостя. Он же, облаченный в парадную одежду, закутанный в аксамиты и меха, тяжело фыркая, вытирая взопревшее лицо, выходит из возка. И стоит, оглядывая окрестности мутным взором.

В представлении Петра все бояре были на одно лицо.

Нет, он, конечно, различал их, и по именам, и по званиям, и точно знал, что стоит выше каждого из этих людей, но неумовимое их сходство друг с другом его сместило. Бородастые, толстые, они напоминали медведей-шатунов, разбужденных посеред зимы, но и к лету не очнувшихся от вечной полудремы.

Гостей матушка принимала ласково, усаживала их в светлице и вела с ними долгие, пространные беседы. Порою и Петру приходилось с ними оставаться. Ему многое было непонятно, но объяснять никто ничего ему не спешил, от него ждали лишь должного поведения, которое подразумевало, что Петр будет сидеть, надувая щеки, и глядеть важно, хмуро.

У него же от долгого сидения на месте начинала дергаться нога. И Петр ерзал, желая одного – получить наконец свободу. Что бояре, когда ждали его потешные полки, в которых сам Петр служил барабанищиком? И дело это было ему куда как милее скучного царствования.

А еще из Пушкарского приказа должны были орудия артиллерийские доставить. Да и затея с потешным городком, при котором выстраивали крепость, поименованную Преисбургом, не давала покоя... Нет, имелась у него сотня дел, требовавших немедленного царева участия, а матушка тут заставляет сидеть, слушать... скучота!

Петр, не чая от нее избавиться, считал мух. Те, разморенные летним теплом, ползали по стенам, по потолку, не брезгуя и иконами, пусть матушка заботливо и велела гнус всякий из дому гонять, но тут и расторопная дворня была бессильна исполнить приказ царицы.

– Ты слишком непоседлив, – выговаривала ему царица после отъезда гостей и вздыхала, качала головой.

Нельзя сказать, что Петр не любил матушку. Любил. А еще с самого детства привычен был слушаться ее. Обладая спокойным нравом, Наталья Кирилловна воздействовала на нетерпеливого, порывистого своего сына лаской. Она умела подбирать подходящие слова и порою проявляла такое терпение к его выходкам, что многие восхищались царицей.

Находились и те, кто вспоминал, что до смерти царя Алексея была Наталья Кирилловна весьма собою хороша, учтива и приветлива, что никогда-то она не печалилась, но, напротив, была весела, словно птичка. И веселье же всякое поощряла.

И, желая угодить молодой жене, отменил царь строгий указ, запрещающий мирскому люду танцевать, участвовать в различных массовых играх, петь и играть на музыкальных инструментах даже во время свадебных пиров. Слышал Петр, что будто бы на царской свадьбе, к великому неудовольствию патриарха, играл оркестр и хор пел, да отнюдь не псалмы... и что после свадьбы велено было театру открыть, где для царицы играли бы пьесы, конечно, библейские, но все ж...

И порою, глядя на эту женщину – строгую, суховатую, с поджатými губами и округлым подбородком, под которым наметилась складочка, – Петр пытался представить мать иной.

Да, крепко ударила по ней смерть супруга.

А грянувший следом бунт и вовсе лишил их многих ее родичей. Постарела до срока царица, поседели волосы, и навсегда лег на них вдовий платок. Лишь глаза остались черными. И раз за разом повторяла она Петру, что самим небом предначертано ему стать великим, ведь еще до рождения царский астролог Симеон, придя к царю спустя семь месяцев после свадьбы, сказал так:

– Я зрел небесное видение необычайной силы. И явление сие есть предзнаменование! В сей вечер понесла Наталья Кирилловна мальчика, истинного наследника царского трона, которому суждено быть выдающимся. Он будет великим воином и победит многих врагов, и заслужит такую славу, какой не имел никто из русских царей. Искореня злодеев, он будет поощрять и любить трудолюбивых, сохранит веру и совершит много других славных дел...

Это-то предсказание и помогало Наталье Кирилловне держаться.

О нем она помнила, когда случился бунт. И пьяные стрельцы, перемахнув через балкон, оттолкнули ее с пути с такой легкостью, что стало понятно – и убьют, не задумываясь. Когда же упал на пики Михаил Долгорукий, а за ним и Артамон Матвеев, дорогой ее друг и защитник, поняла Наталья Кирилловна, сколь ничтожна ее жизнь.

Тогда-то испугалась она за детей.

Сумела выбраться и, схватив обоих – родного Петра и чужого, но все ж – дитя, Иоанна, – она бегом кинулась в церковь. Едва-едва успела спрятать царевичей за алтарем... а там, глядя на ссору безумных, как виделось ей тогда, людей, которые при ней решали, дозволено ли в церкви, пред ликом Господним, кровь лить, она дрожала – и превозмогла дрожь.

Искренней была молитва царицы, и ангелы спустились, укрыли ее, бедную, от злых глаз, позволили увлечь царевичей в задние покои... и там, сидя у постели сына, который от пережитого свалился в горячке, шептала царица слова предсказания.

А сын ее, единственная надежда, бредил, то привставал в постели, то падал, таращил дико глаза да зубами скрежетал... нет, навсегда остался в сердце царицы даже не страх – ужас за жизнь сына. И потому смиренно приняла она изгнание. А с ним – и новость, что коронованы будут оба царевича, но править – невиданное доселе дело! – станет царевна Софья.

Пускай.

Лютая баба. Толстая. Некрасивая, пусть и рядится в богатые платья, сияясь дорогими тканями и камнями скрыть свое уродство. Но люди-то видят...

– Слушай сестрицу, – шептала Наталья Кирилловна подрастающему сыну. – Делай, как она велит. А сам – примечай...

– От нее козлиным духом несет!

Петру не по нраву были вынужденные поездки в Москву и долгое сидение на троне. Братец-то был смирен, тих, а Петру все-то было любопытно. Да попробуй-ка, спроси, когда за спиной стоит царевна Софья и шипит, словно гадюка.

Все-то ей неладно... и сама нет-нет да глянет так, что разом вспоминаются Петру острые пики и тело, на них летящее. Снова видит он кровь и слышит крики толпы...

– Хитра Сонька, завистлива! Глаз-то завидуций, все знают, что ее мамка от груди отлучила, а после вновь дала. – Матушка всякий раз после возвращения из Москвы собирала благочестивых старух, чтобы просили они Господа за здоровье сыночка. Пусть святые женщины, поминая Петра в молитвах своих, защитят его от козней царевны. Она-то небось задумала неладное...

Да и то: Петр тоже стал беспокоен.

А все чужаки: появились, взбаламутили тихую жизнь Преображенского... то одни книги его притянули, то другие. Учат его чему-то, да все – делу не царскому. Где ж это видано, чтобы помазанник Божий в простое платье рядился да с солдатами строем ходил?

Еще и на Кукуй зачастил, что и вовсе непотребно... соглядатаи, приставленные к Петруше, сугубо из-за материнской заботы – ей-то спокойнее, когда дитя под присмотром, – о разном говорили. О пирах пышных, где и вино, и девки гуляющие есть. О шутках скабрзных, частью царем и придуманных... о беседах преопасных... о том, что крутит он шаши то с одною, то с другою немкою. А те и рады! Юбками пышными трясут, кланяются, груди выставляя – наряды-то на Кукую иноземные, срамного свойства...

А еще, будто приучился царь трубку курить с зельем табачным, что и вовсе невозможно.

Веселится... молод он, конечно, но всякому веселью – собственный срок. Не слышит небось, что раскольники кричат, будто царь Петр и матушка его – от Антихриста, позабыл народец про страх и смирение. Один бунт Стеньки Разина чего стоит, а того и гляди вновь полыхнет, полетит непорядок пожаром по Москве. Софья-то небось только рада будет! Может, это она и раздувает угли народного недовольства, нашептывая людям, чтоб избавили они ее от докуки... А ему – все веселье.

И раз тревогой своей поделилась царица с братом, Львом Кирилловичем:

– Женить его надо, длинный стал, дергается, вино пьет, все с немками, легкого поведения девицами, – царица перекрестилась и поклонилась иконам, которые за долгие годы изгнания стали и друзьями ее, и верными слушателями, и советчиками, потому что под светлыми рисованными взглядами их нередко приходили ей в голову весьма разумные мысли. – Женится – успокоится. Да и пойти бы с ним и молодой женой по монастырям, вымолить у Бога счастья, охраны от Сонькиных чародейств, крепости от ярости народной...

Лев Кириллович думал долго, пил квас, оглаживал окладистую бороду, которой гордился премного, и отвечал так:

– Что ж, сестрица, жени его, хуже не будет. – Провел рукой по усам и продолжил: – Вот у Лопухиных дочь Евдокия на выданье, в самом соку – шестнадцать лет... Лопухины – род многочисленный, захудалый. Как псы будут около тебя.

И чем больше Наталья Кирилловна думала, тем более удачным казался ей этот выход. И невеста, девушка аккуратная, тихая, по душе ей прилась. И собою хороша премного, и норовом вышла такова, что не станет свекрови перечить, послушна будет... глядишь, и сумеет она осадить буйного Петра, удержит его от глупостей.

Венчание состоялось в январе. Невеста была бледна и напугана. И Петр, глядя в заплаканное лицо ее, детское, бледное, желал лишь, чтобы от него отстали с этой свадьбой...

Жена... стоит, трясется, овца овцой, разве что не икает со страху.

Нет, не в радость Петру была подобная женитьба, да и Евдокия, когда чуть пообвыкла, показала себя девицей преглупой. Она была смирна и послушна мужу, глядела на него с обожанием, но стоило ему завести речь хоть о чем-то – замирала. Слушать – слушала, но вряд ли понимала.

И невозможность отыскать кого-то, кто способен был бы разделить с Петром его мысли, оценить грандиозность его задумки или, самое малое, просто понять, погнала его прочь от Преображенского. Петр знал, что матушка его осталась весьма тем недовольна и много выговаривала Евдокии: дескать, не сумела она удержать супруга.

А та лишь краснела да жалилась: мол, как его удержишь, когда он ветру в поле подобен! И не нужны ему слова ласковые, но – подавай забавы...

...Забав в Немецкой слободе хватало. Вот где обретался веселый люд, который был рад встретить Петра. И он, всякий раз оказываясь в этом чуждом московским обычаям мирке, вновь и вновь испытывал удивление – Лефорт, друг верный, всегда находил, что ему показать и о чем рассказать.

Тиммерман и Брандт не позволяли царю заскучать, да и Алексаика был хорош на выдумки. То одну забаву, то другую придумает... В Кукуе текла привольная легкая жизнь. Тут люди не прятались один от другого за чинами, но были открыты и ласковы. Смеялись, показывая хорошие белые зубы, носили легкое платье, куда как удобнее боярских нарядов, и парики, на которые Петр сперва долго дивился: зачем на своей голове да чужие волосы? А потом взглядел и понял, что лучшие уж парик, нежели взопревшая, исходящая испариной лысина. Здесь мужчины брили бороды и пудрились, курили трубки, вели разговоры о вещах важных и интересных, но с легкостью, не ударяясь в многочасовые замудрствования.

Нет, не удержать было Петра.

И в этот раз он ехал на Кукуй, желая развеяться, отойти от матушкиных поучений, в которых ее всяко поддерживал дядька. Года-то не прошло, как единолично воцарился Петр, и власть его не так уж крепка. Есть бояре, желавшие бы возвращения Софьи, да и она, сосланная в монастырь, вряд ли потеряла надежду на скорые перемены. И потому надлежит молодому царю остепениться, позабыть про иноземные забавы, а лучшие и вовсе погнать чужаков из Москвы! Пусть сидят в своем Кукуе да радуются, что живы остались.

Бояре, родовитые, сановитые, неторопливые, – вот истинная опора трона.

И слушаться Петру надобно премудрых их советов. Он хоть и царь, но юн...

Злило его это жуужжание, назойливое, вроде мушиного, доводило до дерганья в глазу и немеющей ноги, пробуждая и вовсе недобрую память – уже не о стрелецком бунте, но о недавнем Софьином заговоре. Ничего-то не позабыл Петр! И чем больше слушал уверений в преданности, тем меньше верил им. Нечто дурное, злое, что сидело в его душе, порою прорываясь в диких приступах ярости, нашептывало ему теперь, что многие его советнички премудрые поддержали бы сестрицу. И поддержат, дай им только шанс! Нет, нельзя верить подобным людшкам. Опора трону? Петр для своего трона отыщет другие опоры.

И Немецкая слобода в том ему поможет.

Алексаика, чуявший настроение царя, держался тихо, лишь посвистывал, лошадей подгоняя. А после все ж не выдержал, завел непристойную развеселую песню. И ушла с души царя дурнота, посветлело на сердце. Подумалось, что, может, и правда стоит в Преображенское завернуть, к Евдокии? Она хоть и дура душой, но зато беззлобная и завсегда-то Петра видеть рада.

Хотел было приказать, да подумал, что погодит Евдокия.

В Немецкой слободе царя встречал Лефорт.

– Что-то вы невеселы, – сказал он. Говорил Лефорт чисто, но все же в речи его проskalъзывала некая неправильность, выдававшая чужака.

Петр лишь отмахнулся. Не хотелось ему вспоминать о том...

– Что ж, полагаю, прогулка весьма поспособствует успокоению нервов, – Лефорт вежливо кивнул Алексашке, которого, признаться, недолюбливал. И нелюбовь эта была взаимной, весьма огорчавшей Петра. Впрочем, выяснять причины ее он не лез, делал вид, будто не замечает, как кривится дорогой друг при виде немца, или как немец небрежно не замечает Алексашку.

Тот и сейчас высказал что-то сквозь зубы, но тихо, не желая злить и без того неспокойного царя. А Лефорт уже шагал. Шел он степенно, и Петру поневоле приходилось сдерживать порывистый свой шаг, за который столь часто он руган был Натальей Кирилловной. Вовсе не подобает царю бегать да еще руками размахивать!

Вот Лефорт ступал важно, и тросточка при нем имела, которой он небрежно так при ходьбе помахивал. Алексашка вон на тросточку косился, он уже местные привычки перенял, костюмов себе велел пошить дюжину, парики заказал, один другого пышней, а все ж не получалось у него держаться с такой легкой небрежностью.

Вышли к пруду... Играла музыка, но где-то вдалеке, неназойливо. Доносился смех. Берег был украшен бумажными фонариками, свет их отражался в воде, и хоть еще не наступила ночь, но все одно было красиво. По пруду скользили пара лебедей и лодочка, а в ней сидела девушка удивительной красоты. В первый миг показалось Петру, будто ожил один из тех портретов, которые показывал ему Лефорт, с музами и грациями, с древними богинями, на коих местным бабам и равняться нечего.

Незнакомка повернулась, заметила Петра и одарила его долгим пристальным взглядом. Не было в ней робости Евдокии, та никогда-то в глаза ему смотреть не смела.

– Кто это? – Петр повернулся к Лефорту, который – вот хитрец! – только щурился.

– А и хороша девка, – Алексашка присвистнул даже. – Чтой-то я ее раньше не видел?

Не показывали, вот и не видел. И теперь Петр весьма даже порадовался этакой предосторожности.

– Это Анна Монс, – ответил Лефорт, перекладывая тросточку с левой руки на правую. – Дочь Иоганна Монса...

– Анна Ивановна, значит.

Белый лебедь подплыл к лодке и вытянул шею, Анна, не испугавшись огромной птицы, коснулась ее. И только зонтик в руке ее подрагивал, видимо, от ветра.

– Весьма достойная и разумная особа, несмотря на юные годы.

Иоганн Монс был знаком Петру, как и многие обитатели Немецкой слободы, но вряд ли этот человек представлял собою хоть какой-то интерес для царя, иначе Петр запомнил бы не только имя.

– К сожалению, не так давно отец ее скончался, – продолжил Лефорт. И ведь не признается, что все это представление устроил единственно за-ради Петра! – И оставил семейство в больших затруднениях...

Понедельник начался с головной боли. До этого были суббота и воскресенье, почему-то слившиеся для Игната в один бесконечный день. Он начался с Ленкиного визита, затянувшегося, пересыпанного упреками, обидой, попытками примирения...

...шопингом.

...посиделками в каком-то очень модном ресторане с очень нужными людьми, которых Игнат и знать не знал.

...визитом в ночной клуб.

...выездом на природу.

И вот – начался понедельник.

С головной боли. И со знакомой сухости во рту, которая свидетельствовала, что от излишеств Игнат не удержался. Ленка спала, обняв подушку. Вряд ли она поднимется до полудня. И потом остаток дня будет бродить по квартире, брюзжа и вздыхая, что ее совсем не любят.

– Я поехал?

Она только на другой бок перевернулась. На щеке, в кои-то веки лишенной косметического панциря, остался отпечаток подушки. Игнат испытал острое желание вернуться в кровать. Под одеяло. Закрыть глаза и послать все к лешему.

Зачем он вообще с конторой связался?

Не его же профиль. Не его люди.

Отец его попросил?

Ну, так нашел бы управляющего... Кстати, а это хорошая мысль. Найти кого-то и посадить в директорское кресло, пусть себе руководит этим дурдомом, а Игнат вернется к собственным баранам, которых тоже надолго бросать нельзя.

И мысль эта привнесла ноту оптимизма в его паршивое настроение. До офиса он добрался без проблем и, взглянув на часы, убедился – не опаздывает. Смешно было бы нарушать собственные правила.

Но оказалось, что Игнат – не первый.

– Здравствуйте, – сказала Ксюша, отвлекаясь от созерцания бумажных завалов. – Что вы мне тут натворили?

– Где?

– Тут, – ее пальчик уперся в грудь папок... Ну да, Игнат там что-то искал. Что искал – он уже сам не помнил, и даже нашел ли... а папки убрать некогда было. Или – не его это дело? А потом были срочные документы... договора, акты, согласования...

– Извини, – он потер переносицу. – Как-то само собой получилось.

– И посуда грязная... и у вас, наверное, завал...

Полный.

– Открывайте кабинет, – Ксюша нахмурилась.

Забавная. Рыжая. Конопатая. Яркая, как апельсинка. И эти еще хвостики ее, совершенно дурацкие. А платье на сей раз желтое, с рисунком в виде бабочек. И совсем в дресс-код не вписывается. Но, может, лесом бы шел этот дресс-код?

Пусть себе носит что хочет.

– У тебя все нормально? – почему-то ему стало стыдно, что он не позвонил. Конечно, Игнат не обязан был это делать, он вообще, что мог, устроил: вызвал мастера, дождался, пока замки сменят, проинструктировал ее, как себя правильно вести... а потом уехал и выкинул эту рыжую из головы.

– Да.

Хорошо, если так.

– Открывайте, – Ксюша указала на дверь. – Я бы убралась и без вас, но вы ключи забрали.

Потому что нечего ключам от кабинета директора висеть так, что каждый снять их способен. На крючочке, у двери. Что за детская безалаберность?

И, по-хорошему, следовало бы сразу замки и здесь поменять, но как-то оно завертелось вдруг...

Игнат в замок попал не с первой попытки, но таки попал, нажал на ручку, толкнул дверь и согнулся в шутовском поклоне:

– Прошу.

Ксюша только фыркнула и перешагнула через порог. И вдруг тут же отскочила назад.

– Там... – она вытянула руку. – Там!..

Очередная пакость. Игнат и не предполагал, насколько она пакостная: в отцовском кресле, массивном, обтянутом кожей оттенка бордо, сидел Стас. Расслабленно, так что каза-

лось, будто он случайно сюда заглянул и задремал ненароком. Но вот рукоять ножа, торчавшая из его груди, несколько нарушала идиллическую картину.

– Вызывай полицию, – велел ей Игнат и, решившись, все же подошел к телу. Мало ли, вдруг Стас еще живой? Но шея его была холодной.

Значит, он не первый час так сидит.

Полиция прибыла быстро. И – завертелось! Нет, понедельник, конечно, день тяжелый, но чтобы настолько... Игнат отвечал на вопросы.

Потом отвечала Ксюша. Она то и дело всхлипывала, но в слезы не ударялась, только подол своего нарядного желтого платья теребила.

Потом наступил черед остальных... и о работе можно было забыть.

– Значит, ключи мог сделать любой? – в десятый раз уточнил лопухий паренек, занимавшийся опросом свидетелей. – Они просто висели? Вот тут?

Он ткнул пластиковой ручкой в крючок.

– Да. Висели. Вот тут. Просто.

Головная боль то накатывала волной, и тогда Игнат давил в зародыше желание выгнать всех отсюда, то отпускала.

– Почему?

– Почему тут или почему висели?

Паренек смутился. Нет, он не виноват в том, что сейчас понедельник, что у них – труп, а у него, Игната, последствия вчерашней попойки; что отец его вряд ли обрадуется этой новости, еще и волноваться начнет, а ему вредно...

– Все «почему», – буркнул паренек.

– Крючок я сделала, – Ксюша подала голос. – Просто Алексей Петрович все время ключи бросал на столик, а получалось, что они за столик падали. И столик приходилось отодвигать, а еще они за ковер однажды завалились, и мы весь офис обыскали...

И поэтому Ксюша вкрутила вот в это место серебряный крючок, на который ключики от отцовского кабинета вешались, что никого здесь не удивляло.

Доверие, однако, исключительное!

– Алексей Петрович – мой отец, – пояснил Игнат. – Он отошел от дел. Болеет. Лечится. За границей. И вернуться... не вернется он.

Потому что Игнат грудью ляжет, но не пустит его сюда. Не хватало еще, чтобы отец в эти разборки влез!

– И – да, мой отец всецело доверял своим сотрудникам.

Лопухий только хмыкнул и повернулся к Ксюше:

– А вы, значит, секретарша?

Прозвучало это двусмысленно, до того двусмысленно, что Игнату захотелось врезать этому типу. Игнат вообще легко выходил из себя, делал глупости, потом, конечно, сожалел об этом, обещал себе, что сдержится...

– Секретарь, – поправила типа Ксюша. – И – да, Алексей Петрович доверял своим сотрудникам...

Как показывает практика, совершенно зря.

– И по какой причине этого... – лопухий пролистнул блокнот, – Станислава Федоровича Федоренко убили, вы, естественно, не знаете?

Ксюша мотнула головой.

– Стас... был очень хорошим.

В этот момент Игнат заподозрил, что в Ксюшином мире, нарядном и ярком, как это ее платье, вообще нет плохих людей. Все хороши, каждый по-своему.

– И что он тут делал?

Похоже, подобная мысль пришла в голову не только Игнату. Лопоухий посмотрел на Ксюшу с насмешкой, как на идиотку: мол, хорошие люди не делают дубликаты ключей, не вламываются в директорский кабинет и уж точно не остаются там в виде трупов.

– Не знаю... может, он искал что-то?

– Что?

А ведь похоже на правду! Кабинет обыскивали, но аккуратно. Игнат помнил, что папку ту, синюю, он оставил на полке, а она оказалась на столе. И ящики выдвинуты, а он же их закрыл...

– Может, – робко предположила Ксюша, – ему понадобились документы? Срочно? Вдруг встреча назначена была, и... и он всегда на встречи приезжал вовремя, а тут ему понадобилось подготовиться. Или что-то уточнить. Или просто...

В принципе, это выглядело логично. Станислав приезжает в офис, чтобы подготовиться к этой грядущей, существующей лишь в теории встрече, но понимает, что ему нужны некие бумаги. И по странной случайности эти самые бумаги заперты в кабинете директора. Но – не беда. Так же – совершенно случайно – у Станислава оказываются под рукой дубликаты ключей... допустим, их когда-то сделали и положили в очередное тайное место, известное лишь своим. Итак, Станислав оказывается в кабинете, ищет нужные ему бумаги. Занимает кресло... в кресле пересматривать содержимое синей папки куда как удобнее. Увлекается. И не слышит, что в офисе появился еще кто-то.

Из своих.

Ну да, чужие здесь не ходят.

А этот свой тоже пробирается к кабинету, но вряд ли с намерением покопаться в бумагах. Тогда – зачем? Что этому неизвестному здесь понадобилось? Он открывает дверь, видит Станислава и... убивает его?

Зачем?

В убийстве нет смысла. Два человека из одной конторы, в неурочный час, в неурочном месте... достаточно легко придумать правдоподобное объяснение. Но тот, кто пришел следом за Станиславом, предпочел решить проблему иначе. И если так, то...

...и почему Стас не насторожился? Подпустил его к себе так близко?

Следовало бы выяснить, что именно искал Станислав. Может, тогда все и станет ясно?

А лопоухий убрался наконец. Тело унесли. Кабинет опечатывать не стали.

Игнат вышел к сотрудникам и, окинув их взглядом, подумал, что убить парня мог, в сущности, любой. Даже Ксюша... да, она милая. Очаровательная даже. Девочка-конфетка, но вот что под ее разноцветной оберткой прячется – вопрос!

– Его действительно убили? – поинтересовалась Эллочка, разглядывая акриловые ногти совершенной формы. А Игнат представил в этой холеной ручке нож. И почему-то картина эта не вызвала у него внутреннего протеста. Могла бы? Пожалуй. В пятницу – кофе сварить. В понедельник утром – заколоть.

Загадочная женская натура.

– Если речь о Станиславе, то – да. Он был убит.

– Бедный...

Виктория Павловна вздыхает и прижимает платочек к своей необъятной груди, в районе сердца.

Она на убийцу не похожа. Она ведь пирожки приносит, угощает ими всех, кроме Игната, и каждому спешит рассказать о своей дочери. Специалист хороший... бухгалтер... стальные нервы, бульдожья хватка.

И снова: на убийцу все же похожа и она.

Акулина безучастно пялится в окно, жевательную резинку жует, пузыри надувает. Логист. Хороший. А еще что? Ничего.

Дмитрий уткнулся носом в бумаги, даже сейчас его не отвлечь от любимого отчета...
Кто же из них?

– Сегодня, пожалуй, вам всем стоит вернуться домой. А завтра – жду вас в обычное время.

Сыщик из Игната аховый, но кое-что он сегодня проверит.

Вот только расходиться сотрудники не спешили. Виктория Павловна вспомнила, что надо бы собрать на венки и на похороны тоже, а Эллочка пробормотала, что у Стаса семья не из бедных, как-нибудь и без ее участия его похоронят, но деньги все равно дала.

Акулина по-прежнему надувала розовые пузыри, будто и не слышала ничего.

А Ксюша через приоткрытую дверь разглядывала стол. Войти в кабинет она не решалась.

– В синей папке – старые дела, – сказала она, когда Игнат подошел к ней. – Закрытые.

И странно: зачем они Стасу?

Или не ему?

Еще кое-что разбивало прежнюю, вполне стройную теорию Игната.

– Во сколько ты приехала? – спросил он.

– К семи. Я... думала, что тут будет беспорядок. И я хоть немного приберусь.

А Игнат появился в половине восьмого. И тогда же открыл кабинет. И вошел, и проверил у парня пульс. А шея Стаса была холодной, следовательно, убили его не перед самым приходом Игната, а за несколько часов до него. Это было... в пять утра? В четыре? В три?

Не утром – ночью.

И никто ночью не готовится к деловой встрече. Еще можно поверить, что Стас отличался повышенной ответственностью, но не настолько же... и лопухий сразу все понял, поэтому и над Ксюшей посмеивался.

Дурочка!

Ну да, а все вокруг – умные.

Вопрос: что же искал Стас в синей папке? И нашел ли? И не получится ли так, что тот, кто Стаса убил, забрал именно это, закрытое дело?

– Если хотите, я проверю, – Ксюша явно пришла к тем же выводам. – Я опись документов делала... если что-то пропало, я увижу.

– Хочу, – неожиданно для себя согласился Игнат.

Никогда еще Ксюша не испытывала такого всепоглощающего ужаса. Мама вообще считала, что Ксюша – на редкость сдержанное существо, не склонное к излишним эмоциям, а папа повторял, что оно и к лучшему, потому что в семье и так хватает, кому эти самые эмоции проявлять. А вот благоразумие – это редкость.

Но сегодня у Ксюши не получалось быть благоразумной. Она изо всех сил притворялась деловитой, отстраненной, такой, какой надлежит быть хорошей секретарше, пусть и в столь необычной ситуации, но не выходило. Стоило ей подумать про Стаса, и...

Выходит, его из-за нее, из-за Ксюши, убили?!

Ей звонили! Предупреждали. Разгромили квартиру. А теперь вот – еще и Стас!

Но она же ничего не брала! Как ей понять, что именно надо вернуть? И главное, как и кому? Если бы тот, позвонивший, взял и толком объяснил, что ему надо, разве Ксюша не попыталась бы помочь?

Она всем и всегда помогала...

А теперь Стаса убили.

Ножом. И оставили его в директорском кабинете, ключи от которого, как выяснилось, в силу Ксюшиной безалаберности могли быть у каждого. И, значит, каждый из их конторы мог Стаса убить.

Но Ксюша в такое верить не желала!

Это выходит, что она третий год кряду работает бок о бок с убийцей?! Ей казалось, что она знает каждого человека в конторе. И все – хорошие, каждый по-своему. Странные немного, ну так нет в мире не странных людей, однако хорошие... замечательные.

И – убили.

Она вернулась к бумагам, пытаясь сосредоточиться на делах. Глупость, кто такая Ксюша, чтобы преступников ловить? Но совсем ничего не делать – это предательство.

В папке лежали старые дела, не все, лишь те, что касались споров о вступлении в наследство. Естественно, первая страница с перечнем дел отсутствовала.

Выходит, что суть все-таки не в Ксюше, а в папке? Точнее, в каком-то из прошлых дел, которые вдруг понадобились Стасу, и настолько срочно, что он забрался в контору ночью? Про ночь Ксюше никто не говорил, она сама догадалась, чай, не совсем дурочка!

Ксюша включила компьютер и почти не удивилась, не обнаружив в архиве нужного файла. Выходит, убийца Стаса решил подстраховаться? И как ни печально, но следует признать: это сделал свой человек, который знал о Ксюшиной привычке сохранять копии документов на жестком диске. И о том, что на этом диске хранится много чего нужного... поэтому он и компьютер не унес, не уничтожил, что было бы проще.

Плохо!

Как Ксюше теперь приходиться на работу, если ей все время будет казаться, что рядом – убийца? Она же каждого человека подозревать начнет!

– Ну, – Игнат вышел из кабинета и остановился у Ксюши за плечом. Вот зачем? Она же и так нервничает, а еще он тут! – Есть что-нибудь?

Ксюша рассказала ему про файл.

И еще про свою догадку... хотела было и о звонке упомянуть, но язык прикусила, так, на всякий случай: вдруг Игнат сочтет ее виноватой?

Нет, уволить он ее не уволит... а если и уволит, то невелика беда. Но вот не хотелось Ксюше, чтобы ее в чем-то обвиняли, хватит, она и сама теперь глаз не сомкнет, пока не узнает правду.

– Похоже, ты права, – Игнат положил руки на спинку Ксюшиного кресла, и ей пришлось сесть прямо. Не хватало еще начальству пальцы отдавить! – В таком случае я вне подозрений. Я точно понятия не имел, где у тебя там что хранится.

Судя по россыпи документов на рабочем столе, по куче копий, вытасненных неизвестно откуда, Игнат говорил сущую правду. Ну, или ловко притворялся.

– И вообще, – он будто догадался о Ксюшиных мыслях. – У меня алиби есть... я с невестой был.

С невестой... вдруг ей стало грустно. Нет, Ксюша – не Эллочка, которая в каждом мужчине видит потенциального жениха, если не для себя, то для подруги. Но – просто грустно.

Беспричинно.

Или оттого, что у всех есть любовь, даже у этого несимпатичного мрачного типа, а Ксюше – не везет.

– И у тебя, пожалуй, тоже алиби имеется, – продолжил Игнат. – Ты вряд ли свою квартиру разгромила. Признавайся: есть там копии файлов?

– Есть.

Ксюша знала, что так делать запрещено, что это – нарушение правил техники безопасности и корпоративной этики и еще – прав клиентов, потому что им гарантировано неразглашение, а Ксюша берет – и выносит документы. Но после того, как в прошлом году система вдруг рухнула, погребя под обломками все архивы, да и ладно бы – только их, Ксюша решила на должностное преступление.

Она с ужасом вспоминала те две недели, когда всем вдруг понадобились канувшие в Лету документы. Нет, лучше уж тихонько, на флешку... и Алексей Петрович был не против.

– Я так и думал, – Игнат сделал собственные выводы. – И флешку украли?

– Нет.

Ксюша носила ее с собой, на кольце с ключами. Флешка была железной и забавной, она на брелок походила...

– Надо же, – Игнат, не спрашивая разрешения, забрал у нее ключи. – Любопытная штучка!

Ее Ксюше Алексей Петрович подарил.

– Она не включится у чужого человека. На отпечатки пальцев настроена, – тихо пояснила Ксюша, чувствуя, как сильно она краснеет. И взгляд, брошенный в зеркало, подтвердил – да, покраснела, как майская роза.

Это ведь просто сувенир.

Из Германии.

И Алексей Петрович никогда бы не позволил себе ничего, что бросило бы тень на Ксюшину репутацию...

– Дай-ка я догадаюсь: у тебя хватило мозгов никому про флешку не рассказывать?

Ксюша кивнула, проглотив обиду. Говорит так, будто она дура полная!

– Не обижайся, – Игнат притянул второе кресло и сел так, что Ксюше пришлось подвигнуться. – Ты не дура, ты просто наивная. Людям веришь.

Сказано это было престранным тоном. Выходит, что в глазах Игната вера в людей – это недостаток?

– Заводи свою шарманку.

Ну да, конечно, лучше уж заняться делом, чем размышлениями о новом странном начальстве. Флешка Ксюшу «узнала» и дала добро на доступ к хранившейся на ней информации. Нужный файл не исчез, чему Ксюша вряд ли удивилась бы. Она распечатала страничку и предложила:

– Давайте я буду диктовать номера, а вы – отмечать?

Тогда станет ясно, чего именно в папке не хватает. Игнат не стал с ней спорить.

– А... разве мы не должны сообщить полиции? – на всякий случай поинтересовалась Ксюша, но в ответ дождалась только хмыканья, непонятно что выражавшего. Вряд ли готовность делиться с полицией столь важными фактами.

Папка оказалась не такой уж и толстой. Всего двадцать три дела, из которых в папке, как и предположил Игнат, остались двадцать два.

– Перевертень, – с затаенным удовольствием прочитал он фамилию истца. – А это что значит?

Игнат ткнул в метку, поставленную Ксюшей.

– Это значит, что дело закрыто за смертью истца. Ну, то есть человека, чьи интересы мы представляли. Такое порою случается.

– Помнишь это дело?

Ксюша пожалала плечами: немного. На самом деле она далека от юриспруденции, и многие разговоры, которые в офисе ведутся, ей совершенно непонятны. Но вот истца она помнила распрекрасно. И Стасово нежелание связываться с этим делом... и еще что-то было.

– Тогда пошли, – Игнат выкатил Ксюшин стул из-за стола прямо с ней, сидевшей в нем.

– Куда?

– Обедать. Я тебе – обед. Ты мне – рассказ. Идет?

Вряд ли это было удобно и этично – обедать с начальством, но Ксюша представила, как вернется домой и будет бродить по квартире туда-сюда, размышляя о том, виновата ли она в смерти Стаса или нет?

– Согласна.

– Вот и умница.

Он захватил очередной свой ужасный пиджак, на сей раз – какого-то уныло-болотного оттенка, с желтыми пуговицами и желтой же оторочкой на карманах. Хотелось бы знать, где Игнат их берет!

И запретить ему заглядывать в это страшное место!

Но какое Ксюше дело? У него невеста есть, пусть она о внешнем виде жениха и заботится. – Какую кухню предпочитаешь? – поинтересовался Игнат.

А машина у него была солидной, какой-то гладкой, обтекаемой и сияющей, словно только-только с конвейера сошла. Ксюша ничего в машинах не понимала, но ее собственный «Матиз» рядом с этим монстром выглядел детской игрушкой.

– Мне все равно.

– Не кокетничай.

Она не кокетничает, ей действительно все равно. Но если он спрашивает, то...

– Главное, чтобы не жирно и без извращений.

Игнат только хмыкнул.

В итальянском ресторанчике, несмотря на раннее время, царил романтический полумрак. На столах стояли свечи и живые цветы в полукруглых вазах. Пахло свежим хлебом и еще специями, деревом и вином.

От вина Ксюша отказалась.

Она сок будет. И суп какой-нибудь... и пасту, которую он ей посоветует. Она верит, что плохого ей не посоветуют. А еще – десерт. И не надо на нее так смотреть, она – нормальный человек, у которого день с утра не задался.

– Не на диете, значит, – сказал Игнат.

А что, по его представлению, все женщины должны на диетах сидеть? Чушь какая! И вообще, лучше бы он по делу вопросы задавал.

Ксюша закрыла глаза – бабушка говорила, что так воспоминания легче зацепить, – и представила себе человека со смешной фамилией Перевертень. Он возник в конторе за полчаса до открытия. Ксюша уже пришла, ей часто доводилось на работе появляться пораньше. Кажется, в тот день она собиралась заняться цветами... или еще чем-то в этом духе. Но, главное, она была одна. И очень испугалась, когда дверь в приемную вдруг открылась. Ксюша не слышала ни скрипа той, другой двери, ни голоса, который бы спросил, есть ли кто на месте, ни даже шагов.

И вот она подняла взгляд и увидела перед собой человека в поношенном сером плаще. Еще – пуговицы на плаще были огромными, костяными, кажется. А на рукавах пестрели черные пятна. В руке человек держал зонт, с которого на палас стекала вода.

– Здравствуйте, – сказал он очень тихим голосом.

– Здравствуйте, – Ксюша попыталась улыбнуться. – А вы к кому?

– Федоренко здесь работает?

У него было блеклое лицо, совершенно невыразительное, а сейчас и вовсе стершееся из ее памяти.

– Мне юрист нужен, – пояснил гость, перевешивая зонт с левой руки на правую. – Хороший. Мне сказали, что он – хороший.

– Извините, но пока его нет...

Ксюша еще подумала, что надо бы запирает двери, когда она приходит в офис, а то мало ли...

– Подождите, пожалуйста, – она попыталась скрыть дрожь в руках. – Вот там, на диванчике. Хотите, я вам чаю сделаю? На улице дождь, и вы, наверное, замерзли...

Когда Ксюша сильно волновалась, она много говорила. А сейчас она волновалась сильно, и с каждой минутой волнение ее лишь возрастало. Ну вот почему посетитель молчит? Вдруг он – маньяк? И думает не о своих проблемах, а о том, как бы половчее Ксюше горло перерезать?

Однако гость послушно направился к диванчику, зонт, правда, оставлять в стойке для зонтов он отказался. И плащ не снял, так и сидел, нахохлившись, будто мокрый сыч.

И Эллочкино появление никак не сгладило неловкую ситуацию, хотя Эллочка и старалась, но гость ее не замечал, лишь попросил:

– Мне бы именно Федоренко...

Ну, а затем пришел Стас, и Эллочка с преогромным удовольствием перепоручила гостя ему.

Ксюша рассказывала и ела, а Игнат смотрел на ее рыжую макушку и думал вовсе не о том, о чем должен был бы. Забавная у него секретарша! Рыжие косички торчат в стороны, рыжие завитки выбились из прически и касаются щек. И ресницы тоже рыжие, длинные.

Ленке секретарша не понравится, тут и гадать нечего. По Ленкиному глубочайшему убеждению, секретарю надлежит быть или старой бабой, или страшной бабой, а лучше, если и то, и другое сразу. Ксюша была молоденькой и симпатичной. Какой-то гладкой, ладно скроенной, правильной. И в то же время очень яркой. Белокожая, синеглазая, она не стеснялась демонстрировать эмоции. И ела, не разыгрывая спектакль о потере аппетита и великом одолжении миру. И почему-то, глядя на Ксюшу, Игнат успокаивался. Хотя какое тут спокойствие?

Понедельник. Похмелье. Труп в кабинете. В его, Игната, кабинете! Нагло восседавший на его, Игната, стуле. И с его, Игната, ножом в груди.

Папочка! Дело-то пропащее!

Странность на странности и странностью погоняет. А Ксюша знай себе ложку уже не облизывает – грызет.

– Стас сразу сказал, что шансов нет, бесполезно в суд подавать. А этот – уперся. И платить был готов, – на ее лбу нарисовалась складочка. – Он так и сказал, что, мол, деньги – не вопрос, он любые заплатит. И вообще ему вся доля от наследства не нужна...

– А что нужно?

– Музыкальная шкатулка.

– Что?! – Игнат готов был услышать про дом, или предприятие, или еще о чем-то серьезном, но вот... музыкальная шкатулка?! Это вроде из тех, что на рынке продают? Крышку подымаешь, а оттуда песенка пиликает.

– Шкатулка, – повторила Ксюша, принимаясь за десерт. Она сняла с пирожного черную ежевичину и отправила ее в рот. – Музыкальная. Старинная.

А, если старинная, тогда понятно. Небось стоит немереные деньги. И, соответственно, та, другая сторона со шкатулкой расставаться – что закономерно – не желала.

– Это вроде бы подарок его матери... а той – от ее матери досталось... и вообще, долго ее передавали из рук в руки. Он еще говорил, что дал ее бывшей супруге на хранение... – Ксюша нахмурилась. – Да, точно. Стас еще ворчал, что надо было в банке ее хранить, а не в серванте у жены, к тому же бывшей. И без расписки. И теперь Перевертень свою шкатулку вряд ли назад получит.

– А что с женой его случилось?

– Умерла, – ответила Ксюша. – Точно! С этого и началось! Он уезжал куда-то... не Стас, а клиент. И шкатулку доверил жене. Не хотел оставлять ее в квартире, боялся, что обворуют его. А жена возьми и умри. И получилось, что он на это наследство никакого права не имеет.

То есть некоторое время тому назад возник клиент, желавший подать в суд на наследников покойной супруги, с тем чтобы вернуть в собственность старинную музыкальную шкатулку?

Уже интересно!

И шансов было мало, но... суд – это прежде всего время. И репутация. Ни один приличный аукцион не свяжется с вещью, право на владение которой оспаривается в суде. Значит, этот Перевертень просто-напросто перекрыл наследникам доступ к реальным деньгам.

– А шкатулка дорогая была?

– Не знаю, – пожалала плечами Ксюша. – Реликвия.

Дорогая, из-за дешевой нет смысла огород городить. Но Перевертень умер, и дело закрыли. Убрали в архив. Вероятно, вычеркнули его из памяти.

А Стас вдруг заинтересовался его обстоятельствами – если, конечно, он искал в папке именно эти данные – и погиб. Вряд ли суть в совпадении или в том, что Стасу понадобилось какое-то другое дело, и именно тогда, когда убийца вытащил из папки нужное ему... Значит, Перевертень и шкатулка.

– Вы тоже думаете, что из-за шкатулки его и убили? – поинтересовалась Ксюша, собирая мизинцем крем с пирожного. – А почему сейчас? Не раньше?

Потому что имело место некое событие, о котором Игнат пока не знает, но событие это сделало старое дело вновь актуальным.

В любом случае копнуть стоит, только от Ксюши надо избавиться...

– Давай я тебя до дому подкину?

Она все поняла правильно.

– Лучше до стоянки. И... Игнат, Элла тогда Стасу помогала. Они вообще дружили... ну, просто дружили. У них общего много. Если спросить ее...

Спросить-то можно, но Игнату Эллочка-людоедочка вряд ли что-то ответит.

– Я могу.

Добровольческая дружина готова к подвигу. Отказаться? Это глупо, поскольку вряд ли рыжая его послушает, все равно сделает по-своему. Согласиться? А если Эллочка нож в грудь давнему другу и воткнула? И тогда лезть к ней с вопросами – небезопасно.

– Только если по телефону, – Игнат принял-таки решение.

– Вы и Эллочку подозреваете?

Он всех подозревает. Ну или почти.

– Ксюшенька, – он проникновенно посмотрел ей в глаза. – Девочка моя...

Она порозовела и потупилась.

– Мне одного трупа в конторе более чем достаточно! И если тебе охота посплетничать – пожалуйста. Но вот нарываться на неприятности не стоит. Возвращайся домой. И не высывайся без особой на то надобности и охраны...

Спорить не стала, насупилась только, наверное, хотела что-то сказать, умное, колкое, но все же – передумала. И умница.

Ксюшу Игнат высадил на стоянке. И дождался, пока ее машинка, игрушечная и яркая, как и сама секретарша, покинет паркинг.

Остальное – дело техники.

Перевертень в списке покойников числился в единственном числе. Зато он имел совершеннолетнюю дочь, двадцати шести лет от роду, обитавшую не так уж и далеко от конторы.

Игнат не стал ей звонить, решил наведаться сюрпризом.

Светлана Перевертень жила на проспекте Космонавтов, который застраивался в пятидесятые годы прошлого века. Впрочем, дом номер один выделялся среди прочих еще большей дряхлостью и своим внешним видом, который никак не вписывался в концепцию социалистического конструктивизма. Это двухэтажное здание с деревянными колоннами, деревянными же, изуродованными статуями львов и парадной лестницей, вымощенной современной плиткой ядовито-зеленого колера, давно уже разменяло добрую сотню лет, а то и полторы, но держалось с прежним, пусть и подутерянным, апломбом.

В просторном холле нашлось место для кадки с фикусом, десятка колясок, велосипеда, тачки и старой стремянки, к которой привязывали входную дверь.

Скрипучая лестница вывела его на второй этаж.

Светлана была у себя.

– Здравствуйте, – сказала она, распахнув дверь.

– Здравствуйте. А вы всегда так беспечны?

Светлана лишь пожала плечами: мол, какая разница? Брать у нее все равно нечего.

– Вы по делу?

– По поводу вашего отца...

На миг ему показалось – сейчас она захлопнет дверь, но нет, Светлана явно умела сдерживать свои порывы. Она посторонилась и велела:

– Проходите. Только переобуйтесь, я полы вымыла.

Тапочки были старыми и чистыми.

– Отцовские, – сказала она. – Ему уже все равно. А у меня денег нет на новые.

За дверью начиналась комната, узкая и длинная. Желтая тряпичная занавеска, сдвинутая в сторону, формально отделяла часть комнатухи под коридор. Окно на той стороне было далеким и каким-то обрезанным. А потом Игнат понял, что оно и вправду обрезанное – комнату разделили пополам гипсовой перегородкой.

– Это папа придумал, когда я подросла, – Светлана поправила кружевную шаль, лежавшую на плечах. – Ее сломать надо бы, да некогда... ну, и мало ли что.

С первого взгляда становилось ясно, что брать в квартире действительно нечего.

Выцветшие обои. Посеревшие от возраста гардины, на которых кое-где проступал исконный набивной рисунок. Затертый до дыр ковер на полу. И мебель – древняя, не антикварная, а просто разваливающаяся в силу возраста.

– Садись куда-нибудь, – Светлана плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу. Подол дешевого халатика задрался, но в позе этой не было ничего эротичного. – И говори, чего надо. Если шкатулку, то у меня ее нет. – Она как-то сразу перешла на «ты».

– А у кого есть?

Из кармана халата появились сигареты, тонкие, длинные, с ванилью.

Не из дешевых.

– Девки в клубе подогнали, – ответила на незаданный вопрос о сигаретах Светлана. – А шкатулка... или у Виолки, или у Германа, или у бабки...

– Это – твои...

– Сестрица с братцем, – Светлана скривилась. – От второго брака. А бабка у нас общая, только они – любимые-разлюбимые внуки, я же – так, жертва обстоятельств. И вообще, не будь меня, маменька не стала бы с папенькой связываться, он же неудачник.

Светлана откинулась на спинку кресла, прикрыла веки и начала рассказывать.

На свет она появилась в местном роддоме, из которого переехала вот в эту самую квартиру, где и живет по сей день. Помимо Светки, в квартире обитали мама и папа.

Детство ее было обыкновенным: ясли, сад и семейные вечера с семейными же ссорами. Мать уставала, отец тоже, они ругались, точнее, ругалась всегда она, требуя чего-то, а он вздыхал и хмурился.

Потом в квартире стала появляться женщина, очень красивая, как показалось Светке, но злая. В первый раз она вошла, брезгливо отодвинув краем сумочки занавеску, осмотрелась и сказала:

– Вот, значит, до чего ты докатилась. А я ведь тебя, Оленька, предупреждала!

Оленькой звали Светкину маму. И гостье она отнюдь не обрадовалась.

– Зачем ты здесь?

– Пришла взглянуть на внучку. Или запретишь?

Женщина смотрела на маму с вызовом и откровенной насмешкой.

– Смотри.

Светка сидела на горшке и грызла пластмассовый совок. Нет, она, конечно, не так отчетливо все помнит, скорее уж ей потом все рассказали, а воображение дорисовало все остальное. И веревки, натянутые от стены до стены, и детскую одежду, которая никак не просыхала, потому что в доме было сыро. И лук на подоконнике...

– В ней нет ничего от тебя, – острый ноготок женщины уперся в Светкин подбородок. – Обычно маленькие дети красивы, но эта... по-моему, на редкость невыразительна.

– Мама, перестань!

– Я принесла тебе деньги, – женщина вытащила из сумочки конверт и положила на стол. – Решила – понадобятся. Все-таки ты моя дочь. И если бы ты дала себе труд тогда подумать...

– Прекрати!

– Нет, дорогая, ты послушай! Конечно, Степан Витальевич старше тебя. И не так уж он хорош... Но я решительно не понимаю, чем тебя привлекло вот это твое ничтожество? Но – пускай. Тебе нравится здесь жить? Только будь добра сказать правду! Не нравится? Верно? Тебе надоела нищета. И вечная грязь. И ты уже понимаешь, что никогда отсюда не вырвешься.

– Ты за этим пришла?

– Я решила, что ты уже достаточно натерпелась, чтобы образумиться. Конечно, Степан Витальевич не забудет обиды, но... на нем свет клином не сошелся. Молодой красивой женщине не составит труда найти себе достойного супруга... надо лишь избавиться от лишнего.

Позже Светка узнает, что лишней была она и еще – папа.

Когда-то у родителей случилась любовь, большая и чистая, такая, которая «на всю жизнь». И мама из-за этой любви рассорилась с собственной мамой, у которой были совсем другие планы. В них никак не входили нищий зять и ребенок.

Светкина бабушка предлагала проблему решить, но мама не послушалась... и в результате оказалась в этом древнем доме, в комнате в двадцать квадратных метров, с совмещенным санузлом, где всего-то и помещались что унитаз да умывальник. Нет, сначала все было замечательно, с мылом и в шалаше рай, но чем дальше, тем тяжелее в раю этом жилось.

Мыться в тазике. Воду греть в общей кухне, где вечно занята плита, а если и нет, то стоит поставить бадью, как появляется соседка с причитаниями, что людям готовить надо... И денег вечно не хватает. Светкин папа старался, но он категорически зарабатывать не умел. А маме хотелось быть красивой.

И туфли новые. И помаду. И прическу. И вообще, чтобы на женщину быть похожей...

Нет, она по-прежнему хорошо относилась к мужу, но... однажды уехала.

– Не сердись на нее, – сказал папа, пытаясь накормить дочь подгоревшей манкой. – Она хорошая, просто для нее материальное важнее духовного.

Сам отец был бы рад жить исключительно духовной пищей. Светка рано поняла, что он действительно не от мира сего, обретается где-то в вышних эмпиреях, беседуя с давно умершими философами, восторгаясь изяществом позабытых идей, и не понимает, отчего это люди такие меркантильные.

Он преподавал. И был любим начальством за неконфликтность, а студентами – за искреннюю преданность своему делу, но ни то, ни другое не приносило денег. И, пожалуй, если бы не периодические отчисления Светкиной мамы, которая время от времени вспоминала о своей первой семье, было бы им совсем худо.

С десяти лет Светка умела готовить, убирать квартиру, а также знала, когда надо вносить квартплату, как считать за свет, газ и воду... и что папашу в день зарплаты надо ловить. Нет, он не пил, все было куда хуже – он имел преотвратную привычку заглядывать к букинистам и частенько возвращался без денег, но с новой находкой.

– Ты посмотри! – Он сиял от восторга, потрясая в воздухе очередным пыльным томиком. – Ты посмотри, какая прелесть...

И Светке оставалось лишь вздохнуть, вытряхивать из его кошелька остатки денег – а порою случалось, что отец и в долги влезал, – и планировать расходы, в очередной раз отодвигая покупку новых ботинок.

Зарабатывать она стала рано, благо с учебой у нее все ладилось, вот и решала она контрольные за себя и еще – за соседа. «Домашку» делала. Потом разносила газеты... отец не понимал, зачем. А у мамы была новая семья и двое детей. Светке позволили с ними познакомиться, и она, попав в чудесный дом, где у каждого была собственная комната, нормальная, а не узкий закуток с занавесочкой, не спала потом всю ночь. Вспоминала мягкие ковры и обои с переводными картинками, детскую, почти кукольную мебель розового цвета, игрушки, наряды... полный холодильник.

– Это все ерунда, – отмахнулся отец, когда Светка заикнулась о том, что надо бы попросить у мамы денег. А лучше – подать в суд, чтобы она алименты платила. Алименты ведь – по закону. И деньги эти – на Светку, а значит, она сама и станет ими распоряжаться. – Материальное – это пыль...

И тогда Светка не выдержала. Высказала ему все, что думала: про пыль, про отцовскую безалаберность, про то, что над нею все смеются, нищенкой ее обзывают, про надоевшие макароны и картошку, заправленную подсолнечным маслом. Про нормальную жизнь, которой Светку лишили!

Отец смотрел на дочь, хлопал глазами и вздыхал.

– Не понимаю, – сказал он, – откуда в тебе эта меркантильность? Наверное, это Оленькины гены... надо с ними бороться.

Зачем?

– Дорогая моя, – папенька называл так Светку, когда намеревался провести с ней внеочередную воспитательную беседу. – Ты ведешь себя недостойно нашей фамилии. Да, наш род вынужден переживать не самые лучшие времена. К сожалению, удача отвернулась от нас...

Так Светка узнала, что принадлежит она к древнему роду, в котором течет кровь Петра Великого, и это налагает на Светку определенные обязательства. В частности, ей надлежит вести себя подобающим образом, а не как разорившейся купчихе.

И – да, некогда род их был богат и известен. Не так широко, конечно, как Денисовы или Нарышкины, но все же благосостояние его исчислялось многими тысячами, которые щедро тратились на благие дела. К примеру, на строительство сиротских приютов, бесплатных школ...

Отец рассказывал вдохновенно, пытаясь воздействовать на неразумную дочь примером своих – и ее – славных предков, а Светка думала, что лучше бы эти самые предки взяли да перевели капиталы в золотишко, а потом его припрятали бы до поры до времени. Или и вовсе вывезли бы за рубеж, обустроились... и родилась бы тогда Светка во Франции. Или в Англии. Или еще где-нибудь, а не в этом родовом поистрепанном гнезде.

– Этот особняк принадлежал твоему прапрадеду, – патетически вещал отец, обводя рукой комнатушку. Интересно, в ней раньше жила горничная прапрадеда или его любимая собачка? – И добро, сотворенное им, позволило сохранить нашей семье жизнь!

Ну да: не расстреляли, не отправили в ссылку, просто отобрали все, что было, оставив им одну комнатушку. И этим вот гордиться?!

Да и вообще, стоит ли всему верить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.